

Франкл Виктор "Психотерапия на практике"

Предисловие переводчика

Часть I. Общий экзистенциальный анализ

- О смысле жизни
- Сомнения в смысле бытия
- Сверхсмысл
- Принцип удовольствия и принцип гомеостаза
- Субъективизм и релятивизм
- Три категории ценностей
- Эвтаназия
- Самоубийство
- Жизнь как задача
- Принцип гомеостаза и экзистенциальная динамика
- О смысле смерти
- Сообщество и масса
- Свобода и ответственность
- О силе человеческого духа
- Биологическая судьба
- Психологическая судьба
- Социальная судьба
- О психологии концентрационного лагеря

Часть II. Психотерапия на практике

- О смысле страдания
- О смысле труда
- Невроз безработицы
- Невроз выходного дня
- О смысле любви
- Сексуальность, эротика и любовь
- Неповторимость и единственность
- О формах любви, связанных с категорией "иметь"
- Ценности и удовольствия
- Сексуально-невротические нарушения
- Психосексуальное созревание

Часть III. Психотерапия для повседневной жизни

- Проблема души и тела с клинической точки зрения
- Человек - только ли продукт наследственности и социальной среды?
- Страх человека перед самим собой
- Психическая гигиена для людей преклонного возраста
- Психическая гигиена для людей среднего возраста
- Сердечно-сосудистые заболевания
- Наркоанализ и психохирургия
- Врач и человеческие страдания
- Шизофрения

От светской исповеди к медицинскому служению

Предисловие переводчика

Viktor Frankl, österr. Psychologe und Arzt. Photographie von Katharina Vesely. 1994. Viktor Frankl, Austrian psychologist and doctor. Photograph by Katharina Vesely. 1994.

Книга известного австрийского психиатра и психотерапевта В. Франкла является изложением основных принципов логотерапии и экзистенциального анализа,

известных также как Третья венская школа психотерапии. Эту школу отличает гуманистический подход к душевным недугам, с которыми пациент обращается к психотерапевту. Видя в пациенте прежде всего духовно страдающего и ищущего человека, В. Франкл обращается к наиболее важным проблемам человеческого существования, которые стоят за симптомами тех или иных психических нарушений. В центр обсуждения автор ставит именно эти кардинальные проблемы человеческого бытия и среди них такие понятия, как смысл и ответственность. Рассматривая человека как телесно-душевно-духовное целое, автор полагает, что именно эти понятия определяют психическое здоровье человека и гармонию между составляющими человеческого естества. Особое внимание В. Франкл уделяет "пограничным" ситуациям и положениям, например, когда человек оказывается перед лицом неизлечимого заболевания или таким, как пребывание в концентрационном лагере - опыт, который пережил сам автор, - в которых человек получает возможность узнать смысл и ценности своего существования.

Эта книга - описание пути от классической психотерапии и метода психоанализа к логотерапии и экзистенциальному анализу. Франкл критически подходит ко многим положениям своего знаменитого соотечественника Фрейда и его последователей. В своей критике классического психоанализа Франкл говорит о необходимости демифологизации психотерапии, имея в виду представления о господстве бессознательных психических сил, имеющих биологическую природу, в сознании и поведении человека. Франкл противопоставляет психологическому детерминизму положение об изначальной свободе человеческого "Я" по отношению ко внешним и внутренним, психическим, социальным и биологическим обстоятельствам и ограничениям. Эта мысль, к которой автор не раз возвращается в своей книге, иллюстрируя ее множеством примеров из своей врачебной практики, лежит в основе разработанного им психотерапевтического метода - экзистенциального анализа.

Никита Паньков

Часть I. Общий экзистенциальный анализ

О смысле жизни

Классическая психотерапия, использующая метод психоанализа, стремится к осознанию душевного. Логотерапия же стремится к осознанию духовного. Причем в силу специфики своего метода - экзистенциального анализа - она направлена на то, чтобы довести до сознания человека ответственность как основу основ человеческого бытия.

Ответственность же в каждом конкретном случае означает ответственность перед смыслом. Таким образом, вопрос о смысле человеческой жизни следует поставить в центр обсуждения. Действительно, этот вопрос является одним из наиболее частых среди тех, с которыми душевнобольной человек, находящийся в духовном смятении, обращается к врачу. Не врач начинает разговор об этом, а пациент, который прямо-таки атакует врача этим вопросом.

Сомнения в смысле бытия

Вопрос о смысле жизни - высказывается ли он прямо, или предполагается - является человечески понятным вопросом. Поэтому сам по себе факт того, что смысл жизни подвергается сомнению, не может быть выражением болезненного в человеке; это скорее выражение человеческого вообще, более того, самого человеческого в человеке. Ведь мы вполне можем представить себе высокоразвитые живые организмы, такие, как пчелы или муравьи, которые по некоторым аспектам их социальной организации, свойственным им, и похожим на человеческие структуры формам даже превосходят человеческое общество; однако никогда и ни при каких обстоятельствах мы не можем представить себе, чтобы какой-нибудь живой организм мог задать вопрос о смысле собственного бытия и этим самым подвергнуть его сомнению. Только человек оставляет за собой право подвергать свое бытие сомнению, и только одному ему свойственно переживать все сомнения в его смысле.

Приведу конкретный пример. Одного пациента направили в мою клинику по поводу его отчаяния в смысле своего существования. В беседе с ним выяснилось, что речь идет об эндогенном депрессивном состоянии. Обнаружилось, что сомнения в смысле жизни одолевали его отнюдь не в периоды депрессивных фаз, как этого следовало бы ожидать; более того, в эти периоды он был в такой степени настроен ипохондрически, что ни о чем подобном не мог и думать. Эти раздумья одолевали его лишь в здоровом состоянии! Другими словами, духовная нужда, с одной стороны, и душевная болезнь, с другой, в этом конкретном случае находились во взаимоисключающих отношениях. Но если даже в этом конкретном случае отчаяние и сомнение можно лишь в минимальной степени объяснить депрессией, то весьма вероятно, что при известных обстоятельствах они могли бы стать причиной обратного - привести к ноогенной депрессии. Вопрос о смысле бытия во всей своей радикальности может прямо-таки потрясти человека до основания. Это часто случается в пубертатном периоде, когда перед духовно зреющим и ищущим молодым человеком открывается сущностная проблематика человеческого бытия.

Когда однажды учитель естествознания в средней школе, объясняя на уроке в классе, что жизнь организма, в том числе и человека, является в конечном счете не чем иным, как окислительным процессом, т. е. процессом сгорания, один из его учеников поднялся со своего места и задал ему страстный вопрос: "Да, но какой вообще смысл имеет тогда жизнь?" Этот молодой человек считал, что человеческое существование - это нечто иное, чем свеча, которая стоит на столе и сгорает до конца. Ее существование (Хайдеггер сказал бы: "наличествование") можно назвать процессом сгорания - человеку же свойственна совершенно другая форма бытия.

Человеческое бытие - это, прежде всего, сущностно обусловленное бытие, которое всякий раз помещено в историческое пространство, из системы координат которого его нельзя изъять. И эта система всегда определяется смыслом, пусть и неосознанным или даже вообще невыразимым. Суету в муравейнике можно с этой точки зрения назвать целенаправленной, но не осмысленной; с исчезновением категории смысла отпадает и то, что можно назвать историческим; муравьиное "государство" не имеет "истории".

Эрвин Штраус в своей книге "Событие и переживание" показал, что из жизненной реальности человека, из того, что Штраус называет "реальностью становления", нельзя изъять исторический фактор времени. Причем нельзя именно там, где человек (особенно при неврозе) "деформирует" эту реальность становления. Форму этой деформации представляет собой та попытка отхода от изначального способа человеческого бытия, которую Штраус характеризует как "презентативное существование". Под этим он понимает такое поведение, которое не опирается на прошлое, не направлено на будущее, а скорее соотносится только лишь с внеисторическим чистым настоящим. Подобное мы встречаем в бегстве невротика в своего рода эстетизм, в его бегстве в наслаждение искусством или в преувеличенное восхищение природой. Такой человек до известной степени забывает себя; можно даже сказать, забывает свои обязанности, живя в такие моменты вне всяких обязательств, которые вытекают из индивидуально-исторической осмысленности его бытия.

"Нормальный" (как в смысле усредненности, так и этической нормы) человек может и имеет право лишь в определенные периоды, и то лишь в определенной степени, иметь установку на "презентативное существование" - в те моменты жизни, когда он сознательно и на время отходит от обусловленной нормами ответственности и обязательств жизни (как, например, во время торжеств) и отдается упоению. В этом намеренно и искусственно созданном состоянии самозабвения человек время от времени сознательно освобождает себя от слишком большого груза своей сущностной ответственности. Западный человек, по крайней мере, постоянно находится под давлением ценностей, которые он должен творчески реализовывать. Это, однако, еще не означает, что нельзя быть опьяненным своим собственным творчеством, быть им оглушенным. За эту возможность хватается тот тип человека, которого Шелер охарактеризовал как индивидуума из-за средств реализации ценностей забывающего конечную цель (сами ценности). К этому типу относятся те люди, которые всю неделю напряженно работают, а в воскресенье - перед лицом пустоты и бессодержательности своей жизни, которые становятся им очевидны, - испытывают депрессию ("невроз выходного дня") или страх пустоты и спасаются бегством в различные состояния опьянения.

Вопрос о смысле жизни возникает не только в период созревания, он может быть обусловлен и преподнесен судьбой - например, каким-нибудь потрясением или переживанием. И так же как в юношеском возрасте сомнения по поводу смысла жизни не являются сами по себе проявлениями болезни, так и душевная нужда человека, мятущегося в поисках смысла жизни, вся его духовная борьба за него, не представляют собой ничего патологического. Да и вообще не следует забывать, что психотерапевты иногда имеют дело с душевно страдающими людьми, которые в клиническом смысле, собственно, не могут считаться больными. Ведь речь идет о страдании, обусловленном чисто человеческой проблематикой, которая стала предметом "психотерапии от духовного". Но и там, где фактически налицо клинические симптомы, помочь больному с помощью логотерапии найти ту особо прочную духовную опору, которая в меньшей степени необходима нормальному здоровому человеку, но безотлагательно требуется душевно не уверенному в себе - именно как компенсация его неуверенности. Ни в коем случае духовная проблематика человека не должна быть отброшена как "симптом", в любом случае она является "достижением" (если использовать эту антитезу Освальда Шварца); в одном случае - достижением, которое пациент уже совершил, в другом случае - достижением, прийти к которому мы должны ему помочь. Это относится в особенности к тем людям, которые потеряли душевное равновесие из-за чисто внешних причин. К людям этого рода можно было бы отнести, например, того, кто, потеряв особенно любимого близкого человека, служению которому он посвятил всю свою жизнь, с неуверенностью спрашивает себя, имеет ли теперь хоть какой-нибудь смысл его собственная жизнь. Он оказывается в данной ситуации без резервов; тех сил, которые одни лишь в состоянии дать жизнеутверждающее мировоззрение - причем необязательно, чтобы оно было четко сформулировано в его сознании - у такого человека не хватает, и это делает его неспособным в тяжелый час своей жизни "принять на себя" удар судьбы и из собственных резервов попытаться компенсировать утрату. Так возникает своего рода душевная декомпенсация.

То, какое центральное значение имеет жизнеутверждающее отношение к жизни и как глубоко оно уходит своими корнями в область биологии, можно установить, пожалуй, из следующего факта: когда было проведено большое статистическое исследование о вероятных причинах долголетия, то выяснилось, что у всех долгожителей наблюдалось веселое, т. е. жизнеутверждающее, восприятие жизни. И в области психологии отношение к жизни в мировоззренческом плане также имеет центральное значение - до такой степени, что, например, больным, которые пытались скрывать свое пессимистическое отношение к жизни, никогда не удавалось "десимулировать" его полностью. При соответствующей методике психиатрического исследования можно без особых трудностей вскрыть завуалированное пресыщение жизнью. Если есть подозрение, что больной только десимулирует намерение к самоубийству, то можно порекомендовать следующей метод проверки: сначала спросить больного, посещают ли его мысли о самоубийстве. Он будет отрицать их наличие в любом случае, причем если это всего лишь десимуляция, то не просто, а именно энергично отрицать. Тогда нужно задать ему следующий вопрос, который позволит сделать дифференциальный диагноз между действительным отсутствием *taedium vitae* (отвращения к жизни), с одной стороны, и его простой десимуляцией, с другой: спросить его - пусть даже этот вопрос будет звучать жестоко, - "почему" у него нет никаких

мыслей о самоубийстве. Больной, свободный или уже излеченный от таких мыслей, ответит не раздумывая, что он же должен, например, подумать о своих близких или о своей работе и тому подобном. Десимулирующего же больного этот вопрос приведет в замешательство. Он будет смущен, говоря об аргументах в пользу (симулируемого) жизнеутверждающего отношения к жизни. В том случае, когда речь идет об уже госпитализированном пациенте, он начнет требовать выпустить его из клиники и заверять, что нет никаких причин, чтобы его держали в клинике - так как у него нет никаких намерений к самоубийству. Таким образом, человек оказывается психологически не в состоянии привести даже для своего оправдания жизнеутверждающие аргументы, аргументы своей жизнеспособности, аргументы, которые говорили бы против навязчивых мыслей о самоубийстве: если бы они у него действительно были, если бы они всегда были наготове в его сознании, тогда бы им не владели мысли о самоубийстве и ему незачем было бы убеждать врача в их отсутствии.

Сверхсмысл

Вопрос о смысле жизни можно понимать по-разному. Поэтому давайте исключим из его дальнейшего обсуждения ту тему, которая затрагивает сомнения в смысле всего происходящего, например, сомнения по поводу "цели и назначения" мира в целом или вопрос о смысле судьбы, которая нам выпадает. Возможные положительные ответы на все эти вопросы являются, собственно говоря, прерогативой религии. Для религиозного человека, который верит в провидение, в этом отношении вообще не существует никакой проблемы. Для других же постановка вопроса в данной форме должна быть подвержена познавательной-критической проверке. Ведь мы должны проверить, правомерно ли вообще ставить вопрос о смысле всего существующего, имеет ли вообще смысл сам этот вопрос. Собственно говоря, мы можем спрашивать всякий раз лишь о смысле части происходящего, а не о "цели" происходящего в мире. Категория цели является поэтому в той степени трансцендентной, в какой цель лежит вне того, что ее "имеет". Поэтому мы могли бы охватить смысл мироздания в лучшем случае в форме так называемого пограничного понятия. Исходя из этого, можно было бы обозначить этот смысл как "сверхсмысл"; этим было бы выражено то, что смысл бытия непознаваем и что он превосходит то, что может быть познано. Это понятие было бы, следовательно, аналогом постулатов разума Канта; оно представляло бы необходимость мысли и в то же время невозможность мысли, то есть антиномию, с которой может справиться только вера.

Еще Паскаль говорил, что ветка никогда не сможет понять смысл всего дерева. И новейшее биологическое учение об окружающей среде показало, что любое живое существо включено в окружающую среду, соответствующую его виду, не будучи в состоянии вырваться из нее. И пусть даже человеку принадлежит в этом отношении исключительное место, пусть он к тому же еще и чрезвычайно "открыт миру", пусть он даже "владеет этим миром" (Макс Шелер); но кто может сказать, что по ту сторону "этого" мира не существует сверхмир? Не напрашивается ли предположение, что человек в мире занимает лишь кажущееся положение завершающей ступени развития, что его положение является превосходящим лишь в рамках природы, только по отношению к животному; что в отношении "бытия в мире" (Хайдеггер) в конечном итоге можно сказать то же, что и об окружающих средах представителей животного мира. Столь же мало, сколь животное, находящееся в своей среде, способно когда-либо понять превосходящий его мир человека,

столь же мало способен человек когда-либо охватить разумом сверхмир - за исключением, может быть, того состояния, когда он мысленно выходит за границы сознания в вере. Одомашненное животное не знает целей, ради которых использует его человек. Как же может знать человек, какую "конечную цель" имеет его жизнь и каким "сверхсмыслом" обладает мир как целое? И когда Н. Хартманн утверждает, что свобода и чувство ответственности человека находятся в противоречии со скрытой в нем, но стоящей выше его целесообразностью, то мы полагаем, что эта точка зрения неверна. Сам же Хартманн признает, что свобода человека является "свободой вопреки зависимости", поскольку также и духовная свобода строится над природной закономерностью на своем собственном, более высоком бытийном уровне и, несмотря на "зависимость" от более низкого уровня бытия, является по отношению к нему "автономной". С нашей точки зрения, аналогичное взаимоотношение между царством человеческой свободы и царством, возвышающимся над ним, можно было бы представить так, что человек, несмотря на то, что ему готовит провидение, свободен в своей воле - в то время как домашнее животное живет, следуя инстинкту, хотя оно и служит человеку, который как раз для своих целей использует инстинкты этого животного.

Предположим, я хочу сконструировать машину, функция которой должна состоять в том, чтобы упаковывать определенный товар определенным образом; совершенно ясно, что для решения этой конструктивной задачи необходимо обладать определенным интеллектом, о котором твердо известно лишь одно: что он во всяком случае должен быть в значительной степени выше, чем тот, который был бы необходим, если бы я упаковывал соответствующий товар сам! Нет ничего естественнее, чем перенести это сравнение на проблему инстинктов; и не должны ли мы будем тогда прийти к заключению, ссылаясь на так называемую мудрость инстинктов, что та мудрость, которая наделила то или иное животное определенным инстинктом, та мудрость, которая этот инстинкт, по-видимому, создала, та мудрость, которая, следовательно, стоит за инстинктами, - должна быть мудростью несравненно более высокого порядка, чем "мудрость" самих инстинктов, благодаря которым соответствующее животное так "мудро" реагирует. И может оказаться, что подлинная разница между человеком и животным заключается, в конце концов, не столько в том, что животное обладает инстинктами, а человек - интеллектом (ведь можно же, в особенности если мы посмотрим на лежащее в основе всякого человеческого разума, но само обоснованию разумом не поддающееся а priori, считать человеческий интеллект лишь инстинктом более высокого порядка); скорее, существенное различие между человеком и животным состоит в том, что интеллект человека так высок, что человек - в отличие от любого животного обладает еще одной способностью: понять, что должна существовать мудрость, которая принципиально превосходит его собственную, а именно надчеловеческая мудрость, которая вселила в него разум и в животных инстинкты; высшая мудрость, которая создала как человеческую мудрость, так и мудрые инстинкты животных, и гармонично распределила их между ними.

Пожалуй, точнее и удачнее всех отношение человеческого мира к сверхмиру - отношение, которое мы можем представить себе по аналогии с отношением окружающей среды животного (В. Эскюль) к окружающей среде человека, - выразил Шлейх, говоря: "Бог сидел перед органом возможностей и импровизировал мир. Мы, простые смертные, из этих звуков

слышим лишь человеческий голос. Если уж он прекрасен, то каким великолепным должно быть все мироздание!".

Если мы попытаемся определить отношение узкого животного мира к более обширному миру человека, а последнего - к всеохватывающему сверхмиру, то в качестве сравнения напрашивается правило золотого сечения. В соответствии с правилом золотого сечения меньшая часть относится к большей так же, как большая к целому. Возьмем в качестве примера обезьяну, которой были сделаны болезненные инъекции, чтобы получить сыворотку. Разве может когда-нибудь обезьяна понять, почему она должна страдать? Она, воспринимая мир из своей "окружающей среды", не в состоянии понять мотивов человека, который вовлекает ее в свои эксперименты, так как человеческий мир, мир ценностей и смысла, ей недоступен. Он не доходит до нее, не укладывается в ее измерения; но не следует ли нам предположить, что над человеческим миром, в свою очередь, возвышается превосходящий его и недоступный ему мир, чей сверхсмысл способен придать смысл его страданию?

Пожалуй, точнее и удачнее всех отношение человеческого мира к сверхмиру - отношение, которое мы можем представить себе по аналогии с отношением окружающей среды животного (В. Эскюль) к окружающей среде человека, - выразил Шлейх, говоря: "Бог сидел перед органом возможностей и импровизировал мир. Мы, простые смертные, из этих звуков слышим лишь человеческий голос. Если уж он прекрасен, то каким великолепным должно быть все мироздание!".

Если мы попытаемся определить отношение узкого животного мира к более обширному миру человека, а последнего - к всеохватывающему сверхмиру, то в качестве сравнения напрашивается правило золотого сечения. В соответствии с правилом золотого сечения меньшая часть относится к большей так же, как большая к целому. Возьмем в качестве примера обезьяну, которой были сделаны болезненные инъекции, чтобы получить сыворотку. Разве может когда-нибудь обезьяна понять, почему она должна страдать? Она, воспринимая мир из своей "окружающей среды", не в состоянии понять мотивов человека, который вовлекает ее в свои эксперименты, так как человеческий мир, мир ценностей и смысла, ей недоступен. Он не доходит до нее, не укладывается в ее измерения; но не следует ли нам предположить, что над человеческим миром, в свою очередь, возвышается превосходящий его и недоступный ему мир, чей сверхсмысл способен придать смысл его страданию?

Совершаемый в вере шаг в ультрагуманное измерение основан на любви. Сам по себе это известный факт. Менее известно, может быть, то, что ему предшествует ступень, которую мы могли бы назвать "инфрагуманной". Кому хоть раз не приходилось видеть, как ведет себя собака, которой ветеринар вынужден для ее же пользы причинить боль. Каким взглядом, полным доверия, смотрит она на своего хозяина! Не "зная", какой смысл имеет боль, животное "верит" своему хозяину именно потому, что оно его любит.

То, что вера в сверхсмысл - понимаемый или как пограничное понятие, или, с религиозной точки зрения, как Провидение - имеет исключительное психотерапевтическое и психогигиеническое значение, ясно само по себе. Эта вера - творческая. Истинная вера,

питаемая внутренними силами, и сама делает человека сильнее. Для такой веры в конечном счете нет ничего бессмысленного. Такой вере ничто не может представляться напрасным - "ни одно деяние не остается незачтенным" (Вильдганс). С этой точки зрения, ни одна великая мысль не может исчезнуть бесследно, если даже она никогда не станет известной, если даже она будет "взята с собой в могилу". Внутренняя история жизни человека - во всем своем драматизме и даже трагизме - никогда не бывает "напрасной", если даже она никогда не была никем замечена и если о ней не рассказывает ни один роман. "Роман", который прожил человек, всегда является несравненно большим творческим достижением, чем тот, который кто-либо когда-либо написал. Поэтому каждый из нас каким-то образом знает, что содержание жизни любого человека, ее осмысленность остаются где-то сохраненными, "припрятанными". Так время и преходящесть жизни не могут отнять у нее ни смысла, ни ценности. Прожитое бытие - это тоже вид бытия, и может быть, самый надежный. И все совершенное в течение жизни может рассматриваться с этой точки зрения как спасение возможного путем привнесения его в действительность. Пусть и прожитое останется навечно в целостности и безопасности, спасенное от всякого дальнейшего посягательства времени.

Разумеется, прошедшее время невосвратимо; но происшедшее в нем остается неприкосновенным и нерушимым.

Таким образом, текущее время предстает не только как разбойник, но и как доверенное лицо. И даже сохраняя в поле своего зрения преходящесть бытия, мировоззрение не должно, несмотря на это, быть пессимистическим. Если бы мы попытались выразить эту же мысль образно, то могли бы сказать: пессимист похож на человека, который, стоя перед настенным календарем и отрывая каждый день по одному листику, видит, что календарь становится все тоньше и тоньше; тогда как человек, который воспринимает жизнь в свете вышесказанного, похож на того, кто, сорвав листок календаря, бережно и осторожно кладет его рядом с другими, сорванными ранее, не забыв сделать на обратной стороне листка дневниковые записи; и вот он полон гордости и радости от мысли о том, что содержится в этих ежедневных записях - о том, что из его жизни в них было накрепко запечатлено. Ну и что из того, что этот человек замечает, что он стареет? Должен ли он с завистью смотреть на молодость других людей или с тоской вспоминать собственную? И зачем ему завидовать молодым - тем возможностям, которые еще есть у молодых, их будущему? "Большое спасибо, - подумает он, - вместо этого у меня есть реальности - в моем прошлом; не только реальности содеянного, но и реальность пережитой любви и еще реальность выстраданного. И последним я особенно горжусь - пусть даже в этом мне меньше всего завидуют..."

Все доброе, все прекрасное из прошлого остается прочно сохраненным в прошлом же. Но, с другой стороны, всякая вина и всякое зло еще "искупимы" в течение всей жизни (Шелер "Возрождение и покаяние"). Следовательно, дело обстоит не так, словно мы имеем готовый фильм - примерно так же, как теория относительности представляет себе мировой процесс как совокупность четырехмерных "мировых линий", - уже готовый фильм, который лишь разворачивается кадр за кадром; нет, речь идет о другом: фильм этого мира еще снимается. А это означает не что другое, как то, что прошлое, к счастью, прочно сохранено и надежно

укрыто, однако будущее остается открытым, то есть предоставлено ответственности человека.

Что же такое ответственность? Ответственность - это то, к чему "привлекают", и то, от чего "уходят". Этим самым мудрость языка уже намекает на то, что в человеке есть нечто вроде противодействующих сил, которые пытаются удержать его от того, чтобы взять на себя присущую ему ответственность. И действительно, в понятии ответственности есть что-то бездонное. И чем дальше и глубже мы размышляем о ней, тем больше мы это понимаем - до тех пор, пока нас не охватит своего рода головокружение; как только мы углубляемся в сущность человеческой ответственности, нас охватывает ужас; есть что-то ужасающее в ответственности человека, но одновременно и что-то великолепное! Ужасно знать, что каждое мгновение я несу ответственность за ближнего, что каждое решение, самое малое и самое большое, является решением "навечно", что я в каждый миг могу реализовать или потерять возможность - возможность именно этого мгновения. Конечно, каждое мгновение таит в себе тысячи возможностей, я же могу выбрать одну-единственную, чтобы ее реализовать. Все же другие я тем самым приговариваю к небытию - и это тоже "навечно"! Великолепно же - знать, что будущее, мое собственное и вместе с ним будущее событий и людей вокруг меня, как-то, пусть и в незначительной степени, зависит от моего решения в каждый момент. То, что я благодаря этим решениям реализую, что я "привнесу в мир", то я и спасу для действительности и сохранию от забвения.

Принцип удовольствия и принцип гомеостаза

В предыдущей главе мы рассмотрели вопрос о смысле постольку, поскольку он (вопрос) касается смысла мироздания; теперь давайте возвратимся к этому вопросу в том виде, как он трактуется больными, которые его задают: к вопросу о смысле их отдельной, личной жизни. При этом нам придется заняться сначала обсуждением того, какой поворот некоторые пациенты пытаются дать обсуждению этого вопроса, - поворот, который неизбежно должен вылиться в этический нигилизм. В этих дискуссиях они просто утверждают, что весь смысл жизни заключается лишь в удовольствии; при этом они ссылаются в своей аргументации на ошибочный факт, что вся человеческая деятельность диктуется в конечном счете стремлением к счастью, что все душевные процессы определяются исключительно принципом удовольствия. Эту теорию о доминирующем положении принципа удовольствия во всей душевной жизни выдвигает, как известно, и психоанализ. Принцип реальности не противоречит, собственно, принципу удовольствия, а является лишь простым расширением принципа удовольствия, находясь у него на службе как его простая "модификация", "которая по существу в качестве цели также имеет получение удовольствия". По нашему убеждению, принцип удовольствия является психологическим артефактом. В действительности удовольствие - не цель наших устремлений, а следствие их реализации. На этот факт указал еще Кант. А в отношении эвдемонизма Шелер сказал, что не удовольствие предшествует действию как его цель, а, напротив, действие "несет на своей спине" удовольствие. Вероятно, существуют особые состояния или обстоятельства, при которых удовольствие действительно может представлять собой цель волевого акта. Помимо этих особых случаев теория принципа удовольствия не учитывает существенно целенаправленный характер всей психической активности. В целом же человек хочет не удовольствия, а именно того, что он хочет.

Предметами человеческого хотения могут быть разные вещи, в то время как удовольствие остается всегда одним и тем же - как в случае ценностно-ориентированного поведения, так и в противоположном случае. Отсюда можно заключить, что признание принципа удовольствия должно было бы привести к нивелированию всех возможных целевых установок человека. С этой точки зрения, совершенно безразлично, неважно, что именно делает человек. Пожертвования средств на благотворительные цели тогда служат лишь устранению чувства неудовольствия, так же как и расходование этих денег на гастрономические наслаждения. В действительности, осмысленность сострадательного порыва предшествует его устранению с помощью соответствующего действия, которое, якобы, имеет лишь негативный смысл устранения неудовольствия; ведь можно себе представить, что, будучи свидетелем несчастного случая, который у одного человека вызывает сострадание, другой человек будет испытывать злорадство, радоваться несчастью, которое он видит, и даже испытывать от этого удовольствие.

В действительности же удовольствие или неудовольствие мало что определяют в жизни. Для зрителя в театре ведь не так уж важно, смотрит ли он трагедию или комедию; для него важнее содержание представления. И, конечно, никто не станет утверждать, что определенное чувство неудовольствия, которое может быть вызвано в душах зрителей при переживании происходящей на сцене трагедии, является целью их посещения театра; тогда всех театралов можно было бы рассматривать как скрытых мазохистов. Мы можем окончательно опровергнуть утверждение, что удовольствие является конечной целью всех - а не только конечным итогом отдельных - устремлений таким образом, что мы перевернем это утверждение. Если бы, например, Наполеон действительно проводил свои сражения лишь затем, чтобы доставить себе чувство удовольствия от их победоносного исхода (то же самое чувство удовольствия, которое какой-нибудь простой солдат доставляет себе более простым способом - например, едой, алкоголем и проститутками), тогда "последняя цель" последних наполеоновских сражений, "конечная цель" наполеоновских поражений, должна была бы заключаться, напротив, в чувстве неудовольствия, которое следовало за поражениями так же, как чувство удовольствия следовало за победами.

Если бы мы действительно видели в одном лишь удовольствии весь смысл жизни, тогда жизнь должна была бы казаться, в конце концов, бессмысленной. Если бы удовольствие действительно составляло смысл жизни, тогда жизнь не имела бы, собственно, никакого смысла. Так что же такое, наконец, удовольствие? Состояние. Материалист сказал бы: удовольствие - это не что иное, как некий процесс в извилинах головного мозга. И ради достижения этого процесса стоит жить, мучаться, страдать? Давайте представим себе, что приговоренный к смерти за несколько часов до своей казни должен выбрать блюдо для последней трапезы. Он мог бы в этом случае спросить себя: есть ли вообще какой-нибудь смысл наслаждаться гастрономическими радостями перед лицом смерти? Не все ли ему равно, если спустя два часа после того, как он еще раз успел вызвать в извилинах головного мозга тот самый процесс, который называют удовольствием, его жизнь оборвется? Но, как известно, все живое ожидает смерть, и всякое желание любого человека было бы, следовательно, одинаково бессмысленным. Такое неутешительное мировоззрение логически должно уже в самом расцвете жизни привести к сомнению в ее смысле; оно могло бы с полным правом предвосхитить и обобщить вывод, к которому пришел один

пациент, который был помещен в клинику после попытки самоубийства и рассказал о следующем пережитом им случае: с целью попытки самоубийства он хотел поехать в отдаленный район города, но не мог найти подходящего маршрута трамвая. Тогда он решил взять такси. "Но потом я подумал, - рассказывает он, - не лучше ли сэкономить пару шиллингов; тут же я непроизвольно засмеялся - тому, что перед самой смертью я хотел немного сэкономить".

Кого сама жизнь еще недостаточно научила тому, что мы существуем на свете менее всего "для удовольствия", того можно отослать к статистическим данным, полученным в ходе экспериментов русского психолога, который показал, что нормальный человек в среднем в течение дня испытывает несравненно больше эмоций неудовольствия, чем удовольствия. Сколь неудовлетворителен принцип удовольствия не только в мировоззренческом плане, т. е. на практике, но и в теории, видно из следующего примера, взятого из повседневной жизни. Если мы спросим какого-нибудь человека, почему он не делает чего-либо, что нам кажется целесообразным, и он, указывая на "причину", ответит: "У меня нет к этому желания", то этот ответ покажется нам неубедительным. Этот ответ потому и не является собственно ответом, что как раз удовольствие или неудовольствие мы никогда не считаем достаточно веским аргументом или контраргументом в пользу или против целесообразности действия.

Кого сама жизнь еще недостаточно научила тому, что мы существуем на свете менее всего "для удовольствия", того можно отослать к статистическим данным, полученным в ходе экспериментов русского психолога, который показал, что нормальный человек в среднем в течение дня испытывает несравненно больше эмоций неудовольствия, чем удовольствия. Сколь неудовлетворителен принцип удовольствия не только в мировоззренческом плане, т. е. на практике, но и в теории, видно из следующего примера, взятого из повседневной жизни. Если мы спросим какого-нибудь человека, почему он не делает чего-либо, что нам кажется целесообразным, и он, указывая на "причину", ответит: "У меня нет к этому желания", то этот ответ покажется нам неубедительным. Этот ответ потому и не является собственно ответом, что как раз удовольствие или неудовольствие мы никогда не считаем достаточно веским аргументом или контраргументом в пользу или против целесообразности действия.

Несостоятельность принципа удовольствия в качестве максимы сохранялась бы и тогда, если бы он действительно происходил, как об этом пишет Зигмунд Фрейд в своей работе "По ту сторону принципа удовольствия", из общей тенденции органического к возвращению к покою неорганического. Этим утверждением Фрейд пытался доказать родственность всякого стремления к удовольствию с тем, что он называет стремлением к смерти. На мой взгляд, все психологические и биологические пратенденции можно редуцировать еще дальше, может быть, до универсального принципа выравнивания, который работает на выравнивание всякого напряжения во всех областях бытия. Нечто подобное говорит нам и физика в своем учении об энтропии как об ожидаемом конечном состоянии космоса. Исходя из этого, "тепловой смерти" в качестве психологического коррелята можно было бы противопоставить нирвану; выравнивание любого душевного напряжения путем освобождения от всякого чувства неудовольствия можно было бы тогда рассматривать как микрокосмический эквивалент макрокосмической энтропии,

рассматривать нирвану как энтропию, увиденную изнутри. Однако сам принцип выравнивания являет собой антитезу "принципу индивидуации", который стремится сохранить все бытие как индивидуализированное бытие. Уже из наличия такого противоположного принципа вытекает, что с постулированием любого, пусть даже универсального, принципа, с констатацией каких-либо космических тенденций вообще, с этической точки зрения еще совсем ничего не выяснено. Ведь все объективно происходящее для субъекта ни в коей мере не обязательно. Кто говорит, что мы должны, так сказать, идентифицировать себя со всеми этими принципами или тенденциями? Проблема только начинается с вопроса, должны ли мы подчиняться таким тенденциям - там, где мы можем обнаружить их в нашем собственном душевном мире. Можно было бы также обоснованно предположить, что наша собственная задача состоит как раз в том, чтобы противостоять господству подобных как внешних, так и внутренних давлений. Вероятно, все мы, в силу нашего одностороннего естественно-научного образования, питаем слишком большое, преувеличенное уважение к результатам точных естественно-научных исследований, к физической картине мира. Должны ли мы действительно бояться тепловой смерти или "гибели мира" постольку, поскольку окончательная катастрофа космических размеров могла бы сделать бессмысленными наши усилия и усилия последующих поколений? Не учит ли нас внутренний опыт теоретически непредвзятых простых житейских переживаний тому, что естественная радость при виде прекрасного вечернего заката для нас реальнее, чем некий астрономический расчет предполагаемого момента времени, когда Земля должна упасть на Солнце? Может ли нам быть дано что-либо непосредственнее, чем наш собственный опыт, саморазумение нашего человека-бытия как бытия-ответственности? "Самое верное - это совесть", сказал кто-то однажды, и никакая теория о физиологической "сущности" определенных переживаний, и никакое утверждение, что радость - это совершенно определенно организованный танец молекул, атомов или электронов нервных клеток большого мозга никогда не были столь же убедительны, как уверенность человека, который переживает высшее наслаждение искусством или счастьем любви, в том, что его жизнь полна смысла.

Радость может сделать жизнь содержательной только тогда, когда она сама имеет смысл. Ее узкий смысл не может, однако, заключаться в ней самой. На самом деле он лежит вне ее. Радость каждый раз направлена на предмет. Шелер показал, что радость - целенаправленное чувство, в противоположность простому удовольствию, которое он причисляет к ненаправленным чувствам, к чувствам, "соответствующим определенному состоянию", к "чувствам-состояниям". Шелер указывает при этом на тот факт, что это различие находит свое выражение уже в повседневном языковом употреблении: удовольствие испытывают по поводу чего-то, а радуются чему-то. Мы помним также понятие "презентативного существования", введенное Эрвином Штраусом. При таком образе жизни человек закосневает в состоянии удовольствия (например, в состоянии опьянения), не выходя из него в царство предметной реальности - а здесь это означало бы: царство ценностей; лишь эмоциональная интенция ценностей может доставить человеку "истинную радость". Теперь мы понимаем, почему радость никогда не может быть самоцелью: она сама, как таковая, не может быть интендирована. Она является "действительностью свершения" (Рейер) и реализуема лишь в совершении ценностно-познавательных актов, следовательно, в совершении интенциональных актов,

направленных на "схватывание" ценностей. Как прекрасно выразил это Кьеркегор, когда сказал, что дверь к счастью открывается на себя! Кто пытается нажать на нее, перед тем она закрывается. Как раз тот, кто судорожно пытается стать счастливым, уже этим самым преграждает себе дорогу к счастью. Так всякое стремление к счастью как к "последней цели" в человеческой жизни предстает как нечто, уже само по себе невозможное.

Ценность по отношению к акту, который она интендирует, необходимо трансцендентна. Она трансцендирует ценностно-познавательный акт, который направлен на нее, аналогично предмету акта познания, который, конечно же, тоже лежит вне этого акта. Феноменология показала, что вместе с предметом в интенциональном акте всякий раз уже дан его трансцендентный характер. Если я вижу светящуюся лампу, то одновременно мне дано, что она находится здесь, даже если я закрою глаза или повернусь к ней спиной. "Видеть" означает всегда: видеть что-либо не только глазами. Если же кто-нибудь захотел бы настаивать на утверждении, что он, собственно говоря, видит не вещи во внешнем мире, а скорее лишь образы на сетчатке своих глаз (что, конечно же, абсолютно неверно), тогда это ложная посылка соответствовала бы главной ошибке маховского позитивизма, который методически исходит из данных чувств. Действительно, установка на чувства как таковые является совершенно определенной, лишь вторичной ("производной"), а именно - отражающей установкой, следовательно, установкой, которая в высшей степени годится для научно-психологического метода познания, но ни в коем случае, однако, не подходит для простого естественного метода. Теория познания изначально не имеет намерения или задачи быть теорией психологического познания, скорее она имеет намерение и задачу быть просто теорией познания. Мы можем пойти еще дальше: даже тот человек ошибался бы, который утверждал бы, что сквозь очки он видит только стекла очков, а не сами вещи. Конечно, можно настроиться на загрязненность, на пылинки или пятнышки, которые могут быть на поверхности линз; однако при этом никогда не следует забывать, что тем самым такая установка является каждый раз установкой на погрешности стекол очков - так же как и познавательно-критическая установка является установкой на источники ошибок познания, самого по себе верного познания! следовательно, установкой на источники ошибок познания, факультативная верность которого, именно с предположением возможных источников ошибок, уже всегда предпослана!

В познании предмета как реального уже заложено то, что я признаю его реальность независимо от того, познаю ли его я или кто-нибудь другой когда-либо. То же самое относится и к предметам ценностного познания. Это можно при необходимости проиллюстрировать с помощью следующего примера. Представим себе, что мужчина замечает, что эротическая привлекательность его партнерши "дана" ему лишь на то время, пока он находится в определенном состоянии, а именно - в состоянии сексуального напряжения, а с угасанием полового возбуждения он замечает, что все ее эстетические достоинства каким-то образом исчезают. Из этого он делает вывод, что они вовсе не реальны, а являются результатом его ослепления в момент возбуждения, что, следовательно, они представляют собой не нечто объективное, а скорее всего, нечто такое, что относится к сиюминутному состоянию его организма и коренится в субъективности его инстинктов. Этот вывод неверен. Возможно, что определенное субъективное состояние было тем условием, которое делало определенные ценности вообще доступными

восприятию; вероятно, определенное состояние субъекта было необходимым медиумом или органом восприятия ценностей. Это, однако, не исключает объективности ценностей, а, напротив, является их предпосылкой. Эстетические, как и этические ценности, следовательно, требуют, как и предметы познания, адекватных актов для их восприятия; однако в этих актах схватывается одновременно трансцендентный характер всех этих предметов по отношению к направленным на них актам, а вместе с тем и их объективность. Ничего не меняет здесь и уже упомянутый выше факт, что наша шкала ценностей, так же как и наша картина мира, позволяет видеть нам в каждый данный момент времени определенный участок мира, его кусочек, что мы, следовательно, привязаны к перспективе. Возможно, что дело вообще обстоит так, что все долженствование дается человеку каждый раз в его конкретности, в необходимости того, что он "должен" сделать "здесь и сейчас". Ценности раскрываются в требованиях дня и личных задачах; стоящие за этими задачами ценности могут быть, по-видимому, интендированы лишь через эти задачи. Возможно, не исключено, что та всеобщность, которой будто бы открыто все конкретное долженствование, отдельному человеку, связанному с перспективой конкретного, вообще никогда не бывает видна.

Всякая человеческая личность представляет собой нечто уникальное, и каждая из ее жизненных ситуаций неповторима. Эти уникальность и неповторимость проявляются и в каждой конкретной задаче человека. Каждый человек может в каждый данный момент иметь только одну-единственную задачу; но именно это своеобразие составляет абсолютность этой задачи. Следовательно, хотя мир и рассматривается в перспективе, но каждому участку его соответствует лишь одна верная перспектива. Таким образом, существует абсолютная верность не вопреки, а как раз благодаря перспективной относительности.

Субъективизм и релятивизм

Позволю себе высказать еще одно соображение в отношении объективности смысла; она не исключает его субъективности: смысл субъективен постольку, поскольку не существует одного смысла для всех; смысл, о котором в каждом случае идет речь, не может быть лишь отражением моего бытия. Смысл не только субъективен, но и относителен, ибо определяется ситуацией, в которую вовлечена данная личность, каждый раз как единственной в своем роде и неповторимой. Личность должна понять смысл ситуации, принять ее и воспользоваться ею, т. е. реализовать ее. Следовательно, смысл, по причине своей соотнесенности с ситуацией, также и сам единственен и неповторим; единственность "того, что необходимо", составляет его транссубъективность, и это означает, что смысл дается не нами, а является скорее данностью, пусть даже восприятие и реализация ситуации в очень сильной степени подчинены субъективности человеческого знания и совести. Возможная ошибочность человеческого знания и совести не прерывает транссубъективности человеческого бытия, "улавливаемого" человеческим знанием, и долженствования, "улавливаемого" человеческой совестью. Кто убежден в транссубъективности смысла, тот убежден и в том, что лишь ошибающаяся совесть может выступать защитницей таких вещей, как убийство или самоубийство. Это убеждение дает врачу право взять в исключительных случаях на свою совесть ответственность и

действовать, исходя из своего ценностного мировоззрения; но даже и тогда он знает о способности своей собственной совести и совести пациента ошибаться.

Совесть относится к специфически человеческим феноменам. Ее можно было бы определить как интуитивную способность почувствовать единственный и неповторимый смысл, скрытый в каждой ситуации. Другими словами совесть это смысловой орган.

Но совесть не только человеческа, но и всеобъемлюще человеческа, она неотъемлемый атрибут самого понятия "человек". Совесть может ввести человека и в заблуждение. Более того, до последнего вздоха человек не знает, реализовал ли он свой смысл жизни или нет. Но со времен Петера Вуста "неизвестность и риск" связаны между собой и - пусть даже совесть и оставляет человека в "неизвестности" в отношении вопроса, нашел ли он вообще смысл своей жизни, - такая "неизвестность" не лишает нас "риска" повиноваться своей совести или прислушиваться к ее голосу.

Со всякой "неизвестностью" связан, однако, не только этот "риск", но и смирение. То, что мы даже на смертном одре не будем знать, не впала ли все же наша совесть в заблуждение, означает уже, что правой могла быть не наша совесть, а совесть другого человека. Смирение означает, следовательно, терпимость, но терпимость не есть индифферентность, так как уважать веру другого еще не означает идентифицировать себя с другой верой.

Никто не отрицает, что человек может иногда не понимать смысла и должен его как-то толковать. Это еще далеко не означает, что такое толкование происходит произвольно.

Обладает ли человек какой-либо свободой толкования, несет ли он ответственность за верное толкование? Ведь на каждый вопрос имеется лишь один ответ, а именно правильный, для всякой проблемы существует лишь одно решение, а именно верное, и в каждой жизни, в каждой жизненной ситуации есть лишь один смысл, а именно подлинный. В тесте с таблицей Роршаха субъект сам дает смысл этой таблице - благодаря субъективности этой "дачи смысла" субъект (проективного) теста сам "разоблачает" себя; но в жизни речь идет не о "даче смысла", а о нахождении смысла (мы говорим "нахождении", а не "изобретении", так как смысл жизни не может быть изобретен, а должен быть открыт). Приведенный ниже эпизод позволит проиллюстрировать то, что, несмотря на всю субъективность, которая присуща любому толкованию, интендированному толкованием смыслу присущ все же хотя бы минимум транссубъективности. Однажды в США во время дискуссии после одного из моих докладов мне прислали записку с вопросом, который звучал так: "Как в Вашей теории определяется 600?". Руководитель дискуссии, прочитав этот вопрос, отложил в сторону записку, обратившись ко мне со словами: "Бессмыслица... как определяется в Вашей теории 600?". Я взял записку в руки, пробежал ее глазами и выяснил, что руководитель дискуссии - замечу между прочим, по профессии - теолог, ошибся; так как вопрос был написан крупными буквами, то в английском оригинале слово "GOD" (Бог) можно было лишь с большим трудом отличить от "600". Из-за этой двусмысленности возник непредвиденный проективный тест, результаты которого для теолога и для меня самого как психиатра оказались весьма неожиданными. Во всяком случае, я не упустил возможности во время чтения лекций в университете Вены предложить студентам из США оригинальный английский текст; выяснилось, что девять студентов

увидели число "600", а девять прочли "GOD", четверо же колебались между этими двумя толкованиями. Очевидно, что эти толкования не были равноценными; от участников теста требовалось выбрать только одно из них: тот (кто задавал вопрос, имел в виду лишь слово "Бог"), и поняли вопрос только те, кто прочел это слово, а не заменил его числом. И пусть даже человек в высшей степени зависит от своей совести в том, что касается смысла какой-то конкретной ситуации, и пусть он к тому же до последнего дыхания пребывает в неизвестности в отношении того, ошибается ли его совесть в той или иной конкретной ситуации (как это вообще свойственно человеку), или нет, он должен взять на себя риск такой ошибки и принять свое человеческое несовершенство и конечность своего бытия. Как говорит Гордон Оллпорт: "Можно быть наполовину уверенным и то же время чистосердечным".

Но совесть не только человечна, но и всеобъемлюще человечна, она неотъемлемый атрибут самого понятия "человек". Совесть может ввести человека и в заблуждение. Более того, до последнего вздоха человек не знает, реализовал ли он свой смысл жизни или нет. Но со времен Петера Вуста "неизвестность и риск" связаны между собой и - пусть даже совесть и оставляет человека в "неизвестности" в отношении вопроса, нашел ли он вообще смысл своей жизни, - такая "неизвестность" не лишает нас "риска" повиноваться своей совести или прислушиваться к ее голосу.

Со всякой "неизвестностью" связан, однако, не только этот "риск", но и смирение. То, что мы даже на смертном одре не будем знать, не впала ли все же наша совесть в заблуждение, означает уже, что правой могла быть не наша совесть, а совесть другого человека. Смирение означает, следовательно, терпимость, но терпимость не есть индифферентность, так как уважать веру другого еще не означает идентифицировать себя с другой верой.

Никто не отрицает, что человек может иногда не понимать смысла и должен его как-то толковать. Это еще далеко не означает, что такое толкование происходит произвольно.

Обладает ли человек какой-либо свободой толкования, несет ли он ответственность за верное толкование? Ведь на каждый вопрос имеется лишь один ответ, а именно правильный, для всякой проблемы существует лишь одно решение, а именно верное, и в каждой жизни, в каждой жизненной ситуации есть лишь один смысл, а именно подлинный. В тесте с таблицей Роршаха субъект сам дает смысл этой таблице - благодаря субъективности этой "дачи смысла" субъект (проективного) теста сам "разоблачает" себя; но в жизни речь идет не о "даче смысла", а о нахождении смысла (мы говорим "нахождении", а не "изобретении", так как смысл жизни не может быть изобретен, а должен быть открыт). Приведенный ниже эпизод позволит проиллюстрировать то, что, несмотря на всю субъективность, которая присуща любому толкованию, интендированному толкованием смыслу присущ все же хотя бы минимум транссубъективности. Однажды в США во время дискуссии после одного из моих докладов мне прислали записку с вопросом, который звучал так: "Как в Вашей теории определяется 600?". Руководитель дискуссии, прочитав этот вопрос, отложил в сторону записку, обратившись ко мне со словами: "Бессмыслица... как определяется в Вашей теории 600?". Я взял записку в руки, пробежал ее глазами и выяснил, что руководитель дискуссии - замечу между прочим, по профессии - теолог, ошибся; так как вопрос был написан крупными буквами, то в английском оригинале

слово "GOD" (Бог) можно было лишь с большим трудом отличить от "600". Из-за этой двусмысленности возник непредвиденный проективный тест, результаты которого для теолога и для меня самого как психиатра оказались весьма неожиданными. Во всяком случае, я не упустил возможности во время чтения лекций в университете Вены предложить студентам из США оригинальный английский текст; выяснилось, что девять студентов увидели число "600", а девять прочли "GOD", четверо же колебались между этими двумя толкованиями. Очевидно, что эти толкования не были равноценными; от участников теста требовалось выбрать только одно из них: тот (кто задавал вопрос, имел в виду лишь слово "Бог"), и поняли вопрос только те, кто прочел это слово, а не заменил его числом. И пусть даже человек в высшей степени зависит от своей совести в том, что касается смысла какой-то конкретной ситуации, и пусть он к тому же до последнего дыхания пребывает в неизвестности в отношении того, ошибается ли его совесть в той или иной конкретной ситуации (как это вообще свойственно человеку), или нет, он должен взять на себя риск такой ошибки и принять свое человеческое несовершенство и конечность своего бытия. Как говорит Гордон Оллпорт: "Можно быть наполовину уверенным и то же время чистосердечным".

Человеческая свобода конечна, и каждый человек далек от всемогущества. Так же конечна человеческая ответственность, именно потому, что человек должен принимать решения, сообразуясь лишь с "велениями разума и совести".

Смысл того, что совершает совесть всегда, когда бывает найден уникальный смысл той или иной ситуации или когда универсальной ценности в зависимости от обстоятельств говорится "да" или "нет", сводится, по-видимому, к "схватыванию" образа, т. е. к основе того, что мы называем волей к смыслу, которая, в свою очередь, характеризуется Джеймсом Крамбаухом и Леонардом Махоликом как собственно человеческая способность обнаруживать образы смысла не только в реальном, но и в возможном.

Вертхаймер говоря о ситуации, утверждал: "Ситуация "семь плюс семь равно..." - это система, имеющая пробел, который может быть заполнен различными способами. Лишь один из вариантов заполнения - четырнадцать отвечает ситуации, подходит к пробелу, является тем, что структурно необходимо этой системе именно в этом месте и отвечает функции системы в целом. Этот вариант точно соответствует ситуации. Другие варианты заполнения пробела, например пятнадцать, не годятся. Они неверны. Здесь мы сталкиваемся с понятием востребованности ситуации. Требования такого рода являются объективными качествами".

В то время как смысл увязан с единственной и неповторимой ситуацией, имеются еще смыслы-универсалии, которые относятся к понятию "человек" как к таковому, и эти обширные смысловые возможности представляют собой то, что мы называем ценностями. Облегчение, которое человек получает от обретения более или менее общезначимых ценностей, моральных и этических принципов в том виде, как они выкристаллизовались в человеческом обществе в ходе его истории, дается ему ценой того, что он ввергается в конфликты. Собственно, речь идет здесь не о конфликтах совести, таких в действительности не существует: ведь то, что человеку говорит совесть - однозначно. Конфликтный характер присущ, а именно ценностям ибо, в противовес каждому

конкретному единственному в своем роде и неповторимому смыслу ситуации, ценности являются абстрактными смысловыми универсалиями. Как таковые они имеют значение не только для уникальных личностей, которые поставлены в уникальные ситуации, но их значение распространяется на большие области повторяющихся, типических ситуаций и эти ареалы пересекают друг друга. Следовательно, имеются ситуации, в которых человек ставится перед выбором между ценностями, перед выбором между противоречащими друг другу принципами. Если выбор будет сделан не произвольно, то он вновь будет предоставлен совести, которая одна ответственна за то, чтобы решения принимались свободно, но не произвольно, а ответственно. Конечно, сам человек свободен по отношению к совести, но эта свобода состоит единственно в выборе между двумя возможностями: прислушаться к голосу совести или сделать вид, что не слышишь его. Если совесть систематически подавляется, это приводит или к западному конформизму или к восточному тоталитаризму - в зависимости от того, предлагаются ли человеку обобщенные и преувеличенные обществом ценности или они ему навязываются.

Все это еще не означает, однако, что ценностям обязательно присущ конфликтный характер; возможные пересечения между областями, на которые распространяется значимость различных ценностей, могут быть лишь кажущимися, так как могут возникать путем проекции, т. е. путем потери измерения. Лишь тогда, когда мы исключаем иерархическую дифференциацию двух ценностей по степени их значимости, кажется, что они пересекаются и в области этих пересечений сталкиваются друг с другом - так же как два шара, спроецированные из трехмерного пространства в двумерное, лишь кажущимся образом пересекаются друг с другом.

Три категории ценностей

Мы попытались развить необходимые контраргументы, направленные против принципиального скептицизма, столь часто высказываемого нашими больными, и этим лишить нигилизм его главных козырей. Однако крайне важно открыть богатство мира ценностей во всей его полноте. Ведь человек, не должен останавливаться на одной группе ценностей, а должен быть достаточно "гибким", чтобы перейти к другой, в том случае, если здесь и только здесь выявляется возможность реализации ценностей. Жизнь требует от человека в этом отношении исключительной гибкости в приспособлении к шансам, которые она ему дает.

Очень часто какой-нибудь из наших пациентов жалуется нам, что его жизнь не имеет никакого смысла, поскольку его деятельность лишена высокой ценности. Мы должны убедить его прежде всего в том, что в конечном счете безразлично, какое место человек занимает в профессиональной жизни, кем он работает. Гораздо важнее то, как он работает, соответствует ли он занимаемому месту. Важно, следовательно, не то, как велик радиус его деятельности; важно лишь одно - выполняет ли он круг своих обязанностей. Простой человек, который действительно выполнил конкретные задачи, поставленные перед ним профессией и семьей, несмотря на свою "маленькую" жизнь достиг большего и стоит выше, чем, например, какой-нибудь "большой" государственный муж, во власти которого одним росчерком пера решать судьбы миллионов людей, но который, однако, принимает недобросовестные решения.

Но кроме ценностей, которые могут быть реализованы путем творчества назовем их ценностями творчества, - имеются и "ценности переживания", которые реализуются в восприятии мира, например, в увлечении красотами природы или искусством. Не следует недооценивать ту полноту смысла, которую они могут дать человеческой жизни. Если кто-нибудь сомневается в том, что актуальный смысл определенного мгновения человеческого существования может быть реализован в простом переживании, т. е. вне всякого действия и вне всякой активной ценностной реализации, то мы отсылаем его к следующему мысленному эксперименту. Пусть он представит себе, что человек, любящий музыку, сидит в концертном зале; в его ушах звучат прекрасные звуки любимой симфонии, и он испытывает тот трепет, который можно испытывать лишь при восприятии чистейшей красоты; пусть он представит себе, что этому человеку в этот момент зададут вопрос, имеет ли смысл его жизнь; спрашиваемый ответит, что благодаря уже одному этому прекрасному моменту его жизнь оправдана. Скорее всего, речь идет даже об одном мгновении - по величию одного этого мгновения можно измерить величие всей жизни: высота горного хребта тоже ведь измеряется по самой высокой его вершине. Так и в жизни - ее смысл решают ее вершинные моменты, и одно мгновение жизни может наполнить ее высочайшим смыслом. Давайте спросим о смысле жизни человека, поднимающегося в горы и наслаждающегося красотами цветущих Альп. Он так захвачен великолепием их, что у него даже мурашки бегут по спине; вряд ли его жизнь когда-либо в будущем сможет стать совершенно бессмысленной после такого переживания.

Я считаю, что существует и еще одна, третья категория ценностей. Жизнь может оказаться осмысленной и тогда, когда в ней нет ни творческих порывов, ни богатых переживаний. Крайне важно в этом случае то, как человек относится к ограничению своих жизненных возможностей. Именно в его отношении к этому сужению своих возможностей открывается новое, подлинное царство ценностей, которые, безусловно, относятся к высочайшим. Так бедное, казалось бы, существование - в действительности же лишенное лишь ценностей творчества и переживаний - имеет последний, но самый великий шанс реализовать ценности. Эти ценности мы назовем ценностями отношения. Здесь речь идет о том, как человек относится к своей судьбе, которую нельзя изменить.

Возможность реализовать такие ценности отношения появляется тогда, когда человек оказывается сурово обиженным судьбой и ему не остается ничего другого, как принять ее и нести свой крест. Речь в данном случае идет о мужестве в страдании, о достоинстве даже в падении и неудачах. Но как только мы вовлекли ценности отношения в область возможных ценностных категорий, обнаруживается, что человеческое существование, собственно, никогда не может стать действительно бессмысленным: жизнь человека сохраняет смысл "in ultimus" (до последнего) - т. е. до тех пор, пока он дышит; пока человек осознает себя, он несет ответственность за реализацию ценностей, даже если это лишь ценности отношения. Обязанность реализовывать ценности не оставляет человека до самого последнего мгновения его существования. И пусть возможности реализации ценностей творчества довольно ограничены, всегда есть возможность реализовать ценности отношения. Так подтверждается значимость мысли, которую мы приняли за исходную точку: быть человеком - значит ясно осознавать свое бытие и свою ответственность перед ним.

В жизни человеку каждый час предоставляется возможность обращения то к одной, то к другой группе ценностей.

Жизнь требует от нас либо реализации ценностей творчества, либо обращения к ценностям переживания. В первом случае мы можем обогатить мир своей деятельностью, а во втором обогатимся сами благодаря переживанию. В одном случае требование момента может быть реализовано путем деятельности, в другом - посредством нашего восприятия. Следовательно, и к радости человек может быть "обязан". Человека, который сидит в трамвае и становится свидетелем великолепного солнечного заката или чувствует запах цветущих акаций и не отдается переживанию этих природных явлений, а продолжает читать газету, можно считать в каком-то смысле "безответственным", игнорирующим требования момента.

Не могу не рассказать об одном больном, сумевшем в тяжелой ситуации реализовать все три приведенные выше ценностные категории. Речь идет о еще молодом человеке, который лежал в больнице по поводу неоперабельной, глубоко сидящей в спинном мозге злокачественной опухоли. Паралич лишил его возможности работать. Таким образом, он не имел больше возможности реализовывать свои творческие ценности. Но и в таком состоянии для него оставалось открытым царство ценностей переживания. Он вел интересные высокодуховные беседы с другими пациентами (стараясь одновременно занять их, внушить им мужество и дать утешение), он читал интересную литературу, слушал хорошую музыку - до того дня, когда он не смог больше выносить наушники и его парализованные руки не могли больше держать книгу. Тогда он дал своей жизни второе дыхание: если ранее он был вынужден перейти от реализации ценностей творчества к реализации ценностей переживания, то теперь он обратился к ценностям отношения. Он, несмотря на тяжелейший недуг, сумел стать советчиком и примером своему товарищу по палате! За день до своей смерти (которую он предвидел, зная, что дежурному врачу было поручено ночью ввести ему морфий) он сделал следующее. Когда этот врач появился у него с вечерним визитом, больной попросил сделать ему инъекцию - чтобы не будить его (врача) ночью.

Не могу не рассказать об одном больном, сумевшем в тяжелой ситуации реализовать все три приведенные выше ценностные категории. Речь идет о еще молодом человеке, который лежал в больнице по поводу неоперабельной, глубоко сидящей в спинном мозге злокачественной опухоли. Паралич лишил его возможности работать. Таким образом, он не имел больше возможности реализовывать свои творческие ценности. Но и в таком состоянии для него оставалось открытым царство ценностей переживания. Он вел интересные высокодуховные беседы с другими пациентами (стараясь одновременно занять их, внушить им мужество и дать утешение), он читал интересную литературу, слушал хорошую музыку - до того дня, когда он не смог больше выносить наушники и его парализованные руки не могли больше держать книгу. Тогда он дал своей жизни второе дыхание: если ранее он был вынужден перейти от реализации ценностей творчества к реализации ценностей переживания, то теперь он обратился к ценностям отношения. Он, несмотря на тяжелейший недуг, сумел стать советчиком и примером своему товарищу по палате! За день до своей смерти (которую он предвидел, зная, что дежурному врачу было поручено ночью ввести ему морфий) он сделал следующее. Когда этот врач появился у него

с вечерним визитом, больной попросил сделать ему инъекцию - чтобы не будить его (врача) ночью.

Эвтаназия

Давайте спросим себя, имеем ли мы право отнять у приговоренного к смерти больного шанс умереть "своей смертью"; шанс вплоть до последнего мгновения существования наполнить его смыслом, пусть даже в этом случае речь может идти только о том, чтобы реализовать ценности отношения, следовательно, о том, как "страдающий" пациент относится к своему страданию в его наивысший и конечный момент? Его переход через границу между жизнью и смертью относится исключительно к его жизни и придает ей осмысленную цельность. Проблема, с которой мы здесь сталкиваемся, - это проблема эвтаназии, но не только в смысле помощи умирающему, а в широком смысле милостивой смерти. Эвтаназия в узком смысле слова никогда не была для врача проблемой; медикаментозное смягчение тяжелейших смертных мук - это нечто само собой разумеющееся, момент их индикации является лишь вопросом такта и не требует, видимо, никакой дискуссии. Помимо такой помощи умирающему, неоднократно и во многих странах мира делались попытки юридически разрешить уничтожение так называемой недостойной жизни. По этому поводу можно сказать следующее: врач не должен брать на себя функции судьи и решать вопрос о лишении человека жизни. Он призван человеческим обществом для того, чтобы смягчать боль там, где он должен; лечить, пока может, и ухаживать за людьми, когда больше не может их вылечить. Если бы пациенты и их близкие не были убеждены, что врач относится к этому своему призванию серьезно и понимает его буквально, то доверие к нему пропало бы раз и навсегда. Тогда больной никогда бы не знал, приближается ли к нему врач как помощник - или уже как палач.

Эта принципиальная позиция не допускает никаких исключений и там, где речь идет не о неизлечимых телесных болезнях, а о неизлечимых душевных недугах. Кто может предсказать, как долго считающийся неизлечимым психоз будет считаться неизлечимым? Прежде всего, не следует забывать, что диагноз какого-либо считающегося неизлечимым психоза может оказаться лишь субъективно неоспоримым, не будучи объективно подкрепленным в такой степени, что, основываясь на нем, можно было бы вынести приговор пациенту. Известен случай, когда мужчина в течение целых 5 лет неподвижно лежал в постели до, тех пор пока у него не атрофировалась мускулатура ног; кроме того, он получал искусственное питание. Если бы его показали медикам, то кто-нибудь из них, возможно, спросил бы, не лучше ли такого человека умертвить. Но будущее само дало ответ на этот вопрос. Однажды пациент попросил нормальный обед и захотел встать с постели. Он делал двигательные упражнения до тех пор, пока ослабевшие мускулы ног не начали снова ему служить. Спустя несколько недель его выписали, и вскоре он начал читать лекции о путешествиях, которые он совершил до своей болезни. В более узком кругу он рассказал психиатрам о своих переживаниях во время болезни - к огорчению некоторых санитаров, которые обращались с ним не очень хорошо. Можно представить себе ненужную аргументацию: психически больной человек не способен к осознанию своих собственных интересов, поэтому врачи должны помочь ему уйти из жизни, так как можно предположить, что больной лишил бы себя жизни, если бы его помешательство не мешало ему осознать свою ненужность. Мы придерживаемся совершенно другой точки зрения. Врач должен

действовать в интересах воли к жизни и права больного на жизнь, а не лишать его этой воли и этого права. Поучителен в этом отношении случай, когда молодой врач заболел меланосаркомой и сам же поставил себе правильный диагноз. Его коллеги попытались разубедить его в этом, подсовывая ему анализы мочи здоровых пациентов с отрицательной реакцией, но однажды ночью он пробрался в лабораторию и сам провел там анализ. Когда болезнь стала прогрессировать, начали опасаться попытки самоубийства. Как же вел себя больной врач? Он стал все больше сомневаться в своем первоначальном правильном - диагнозе; когда у него уже появились метастазы в печени, он начал диагностировать безобидные печеночные заболевания. Так он сознательно обманывал самого себя - из-за возрастающей именно в последней стадии болезни воли к жизни. И нам следует уважать эту волю к жизни и не осуждать ее в угоду любым теориям. Часто ссылаются также на другой аргумент. Указывают на то, что неизлечимые душевнобольные, в особенности же умственно неполноценные от рождения, представляют собой экономическую обузу для общества и являются бесполезными и непродуктивными для него. Как относиться к подобной аргументации? В действительности, даже идиоты, которые, по меньшей мере, могут толкать тележки, все же "продуктивнее", чем, например, совсем дряхлые старики, которые доживают свои дни в домах престарелых и убийство которых только по причине непродуктивности с отвращением отвергли бы и те, кто в других случаях придерживается критерия полезности для общества. Каждый должен признать, что человек, который окружен любовью родных и близких, является незаменимым предметом любви и благодаря этому его жизнь имеет смысл (пусть даже пассивный). Умственно отсталые дети именно из-за их беспомощности чаще всего пользуются особой любовью родителей и окружены особой заботой.

Долг врача - спасти там, где он может спасти, - не оставляет его даже тогда, когда он имеет дело с пациентом, который попытался лишить себя жизни и жизнь которого теперь висит на волоске. В этой ситуации врач сталкивается с проблемой, должен ли он предоставить такому пациенту свободу самому решать свою судьбу, имеет ли он право противостоять воле покусившегося на свою жизнь или должен уважать эту волю. Многие считают, что врач, который в случае имевшей место попытки самоубийства осуществляет терапевтическое вмешательство, пытается взять на себя роль судьбы, вместо того чтобы предоставить ей свободу. На это мы можем лишь возразить: если бы судьбе было угодно дать умереть уставшему от жизни человеку, у нее нашлись бы средства и пути, чтобы врачебное вмешательство пришло слишком поздно. А пока живущий успевает вовремя попасть в руки врача, врач должен действовать как целитель и ни в коем случае не играть роль судьбы, решающего в соответствии со своим личным мировоззрением, жить или не жить больному.

Долг врача - спасти там, где он может спасти, - не оставляет его даже тогда, когда он имеет дело с пациентом, который попытался лишить себя жизни и жизнь которого теперь висит на волоске. В этой ситуации врач сталкивается с проблемой, должен ли он предоставить такому пациенту свободу самому решать свою судьбу, имеет ли он право противостоять воле покусившегося на свою жизнь или должен уважать эту волю. Многие считают, что врач, который в случае имевшей место попытки самоубийства осуществляет терапевтическое вмешательство, пытается взять на себя роль судьбы, вместо того чтобы

предоставить ей свободу. На это мы можем лишь возразить: если бы судьбе было угодно дать умереть уставшему от жизни человеку, у нее нашлись бы средства и пути, чтобы врачебное вмешательство пришло слишком поздно. А пока живущий успевает вовремя попасть в руки врача, врач должен действовать как целитель и ни в коем случае не играть роль судьи, решающего в соответствии со своим личным мировоззрением, жить или не жить больному.

Самоубийство

Если выше мы лишь коснулись проблемы самоубийства и обсудили возможные точки зрения и подходы врача как человека постороннего, то теперь давайте посмотрим на эту проблему изнутри, попробуем понять ее с позиции уставшего от жизни человека и одновременно проанализировать его мотивы на внутреннюю оправданность добровольного ухода из жизни.

Обычно говорят о так называемом балансовом самоубийстве. Этим хотят сказать, что человек по причине общего баланса, который он подводит всей своей жизни, может пойти на самоубийство. То, что такой баланс, если он понимается как баланс удовольствия и неудовольствия, всегда будет отрицательным, было показано уже при обсуждении проблемы "удовольствие как смысл жизни". Поэтому здесь речь пойдет лишь о том, может ли когда-нибудь ценностный баланс жизни стать настолько отрицательным, что дальнейшая жизнь представляется человеку бессмысленной. Мы считаем спорным, в состоянии ли вообще человек с достаточной объективностью подвести баланс своей жизни. Это относится прежде всего к утверждению, что сложилась якобы безвыходная ситуация и единственным выходом является самоубийство. Пусть даже это утверждение произносится с большой убежденностью в своей правоте - эта убежденность остается субъективной. Если даже один-единственный из многих, кто пытался, считая свое положение безвыходным, покончить жизнь самоубийством, если бы этот единственный оказался неправ, если бы задним числом выяснилось, что мог быть найден другой выход, уже тогда любая попытка самоубийства была бы неоправданной, так как субъективная убежденность всех тех, кто решается на самоубийство, одинаково тверда и никто не может знать заранее, является ли именно его убежденность объективной и оправданной, или уже по прошествии нескольких часов обнаружится, что она была неверна - тех часов, в которые его уже не будет. Теоретически можно допустить, что самоубийство как сознательно принесенная жертва может быть в некоторых случаях оправданным. Но практически хорошо известно, что мотивы и таких самоубийств слишком часто коренятся в обиде и что в этих случаях в конце концов мог бы быть найден какой-нибудь другой выход из, казалось бы, безысходной ситуации. Таким образом, видимо, можно утверждать, что самоубийство никогда не может считаться оправданным. Даже и как искупление. Ибо оно делает невозможным - в смысле реализации ценностей отношения - духовный рост и созревание в результате собственного страдания и причиняет страдания другим людям. Следовательно, самоубийство усугубляет происшедшее несчастье или совершенную несправедливость, вместо того чтобы справиться с ними.

Обратимся теперь к тем случаям, где мотивы самоубийства объясняются болезненным душевным состоянием. Причем оставим открытым вопрос, могут ли быть вообще при

достаточно точном психиатрическом исследовании выявлены попытки самоубийства без малейшей психопатологической основы. То, что для нас здесь особенно важно, это, скорее, следующее: установить, что мы во всех случаях обязаны доказать уставшему от жизни человеку бессмысленность самоубийства и безусловную оправданность жизни - с помощью имманентной критики и убедительной аргументации, т. е. средствами логотерапии. Такому человеку следовало бы прежде всего указать на то, что его усталость от жизни - чувство, а чувства никогда не могут быть аргументами. Того, что он ищет - решения проблемы, - ему таким способом не удастся достичь. Мы должны во что бы то ни стало довести до сознания человека, решившегося на самоубийство, что самоубийство не может разрешить никакую проблему. Мы должны показать ему, как похож он на шахматиста, который, получив тяжелую позицию, сметает с доски все фигуры. Этим он не решает шахматную проблему. Тем более в жизни ни одна проблема не решается путем того, что жизнь отбрасывают. И так же как тот шахматист не придерживается правил шахматной игры, точно так же и человек, который выбирает добровольную смерть, нарушает правила игры жизни. Эти правила не требуют ведь от нас, чтобы мы любой ценой побеждали, но требуют, чтобы мы никогда не прекращали борьбу.

Мы не можем устранить из жизни все причины несчастий, чтобы помешать всем решившимся на самоубийство осуществить их намерения. Мы не должны подыскивать всякому безнадежно влюбленному другую женщину и обеспечивать всякого нуждающегося заработком. Но нам необходимо убедить этих людей, что они могут не только продолжать жить без того, чего они по каким-то причинам не могут иметь, но и что они могут видеть определенный смысл своей жизни как раз в том, чтобы внутренне преодолеть свое несчастье, вырасти благодаря ему духовно, пойти наперекор своей судьбе, если она им в чем-то отказала. Однако мы сможем только тогда убедить наших больных в том, что их жизнь имеет смысл, если будем в состоянии помочь им найти необходимые цель и содержание жизни, другими словами: увидеть перед собой задачу. "Кто знает, почему ему следует жить, тот вынесет почти любое как", говорил Ницше. На самом деле, понимание жизненной задачи имеет исключительную психотерапевтическую и психогигиеническую ценность. Мы не устаем повторять, что нет ничего более важного для того, чтобы заставить человека преодолеть объективные трудности или субъективные тяготы, чем сознание того, что в его жизни есть задача. И более всего - тогда, когда эта задача поставлена самим человеком и представляет собой то, что могло бы называться миссией. Она делает ее носителя незаменимым и придает его жизни ценность уникальности. Приведенную выше мысль Ницше следует понимать таким образом, что "как" жизни, т. е. какие-либо неблагоприятные сопутствующие обстоятельства, отходит на задний план в тот момент и в такой степени, в какой на первое место выступает "почему". Но не только это; из полученного таким образом понимания жизни как задачи логически следует, что жизнь, собственно, тем осмысленнее, чем она труднее.

Жизнь как задача

Итак, если мы хотим помочь нашим больным в возможно большей степени активизировать их жизнь, если мы хотим перевести наших пациентов из состояния "patients" в состояние "agens", то мы должны не просто подвести их к пониманию их бытия как ответственности по отношению к возможностям ценностной реализации, но и показать им, что задача, за

выполнение которой они ответственны, является специфической. Эта специфика задачи является двойной, так как задача меняется не только от человека к человеку, соответственно своеобразие каждой личности, но и от часа к часу, соответственно неповторимости каждой ситуации. Нужно лишь вспомнить о том, что Шелер назвал "ситуационными ценностями" (и противопоставил их "вечным ценностям", которые имеют значение всегда и для всех). Эти ценности ждут того момента, когда пробьет их час, когда нужно использовать неповторимую возможность их реализовать; эта возможность будет упущена, и ситуационная ценность останется навсегда нереализованной. Итак, мы видим, что оба момента - неповторимость и своеобразие - являются основополагающими для осмысленности человеческого существования. Заслугой современной экзистенциальной философии является то, что она, вопреки неопределенному понятию жизни тогдашней философии жизни, охарактеризовала существование человека как существенно конкретное, как "всякий раз мое". И лишь в своем конкретном виде человеческая жизнь обрела обязательность. Не случайно поэтому экзистенциальная философия называется "апеллирующей". Разве трактовка человеческого существования как своеобразного и неповторимого не содержит призыва реализовать свои единственные и неповторимые возможности? Если мы хотим в духе экзистенциального анализа и с помощью логотерапии помочь пациенту прийти к наивысшей наполненности его жизни, нам нужно лишь доказать ему, что жизнь каждого человека имеет одну-единственную цель, к которой ведет неповторимый путь. На этом пути человек подобен летчику, ведомому штурманом в ночном туманном полете. Проложенный путь один лишь ведет пилота к избранной цели. Каждый человек во всех жизненных ситуациях имеет предначертанный ему единственный в своем роде путь, идя по которому, он может добиться реализации собственных возможностей. Если же пациент говорит, что он не знает смысла своей жизни, что единственные в своем роде возможности его существования от него скрыты, то на это можно только возразить, что его первая ближайшая задача как раз в том и состоит, чтобы найти путь к собственной задаче и пробиться к смыслу жизни в его единственности и неповторимости. А что касается его внутренних возможностей, т. е. вопроса, как он может распознать, на что направлена ответственность его конкретного бытия, то тут не остается ничего лучшего, чем придерживаться совета Гете: "Как можно узнать самого себя? Путем наблюдения - никогда, но лишь путем действия. Старайся выполнять свой долг, и ты сразу же узнаешь, кто ты. Но что же есть твой долг? Требование дня".

Найдутся, конечно, люди, которые хотя и признают характер жизни как неповторимого задания для реализации конкретных, неповторимых ситуационных ценностей, но считают свою личную ситуацию безвыходной. Таких людей мы должны прежде всего спросить: что значит безвыходная? Человек ведь не может предсказать свое будущее; он никогда не сможет этого сделать уже потому, что знание будущего стало бы немедленно влиять на его поведение, в зависимости от его установки - либо сопротивляющейся либо поддающейся этому влиянию; но этим самым он выстраивал бы будущее в любом случае таким образом, что первоначальное предсказание стало бы уже неверным. Коль скоро человек не может пророчествовать, он не может и судить, таит ли его будущее возможность реализации ценностей. Один негр, приговоренный к пожизненным принудительным работам, был посажен в Марселе на пароход, плывущий к Островам дьявола. В открытом море на пароходе разразился пожар (речь идет о затонувшем тогда "Левиафане"). Осужденный,

необычайно сильный мужчина, был освобожден от наручников и спас жизнь десяткам человек. Позднее он был за это помилован. Если бы этого человека еще на набережной в гавани Марселя спросили, может ли его дальнейшая жизнь, по его мнению, иметь какой-то смысл, - он, наверное, лишь покачал бы головой. Но ни один человек не может знать, следует ли ему еще чего-то ждать от жизни и какой великий час еще, может быть, предстоит ему.

Ни у кого нет при этом права ссылаться на свои собственные недостатки и, следовательно, недооценивать свои собственные возможности; и пусть такой человек впадает в сильное отчаяние в отношении себя самого, и пусть он в невероятных муках размышляет о себе и судит себя: уже одним только этим фактом он в какой-то мере оправдан. Самоприговор человека предполагает личностный идеал, личное представление о том, каким нужно быть. Такой человек, следовательно, открыл для себя ценности, поэтому он живет в мире ценностей; как только он оказывается в состоянии примерить на себя масштаб идеала, он уже не может быть больше вовсе лишенным ценности. Одним этим он уже достиг уровня, который его оправдывает; тем, что он смог подняться над самим собой, он утвердил себя как гражданин духовного мира, ценности которого он носит в себе. "Если бы наши глаза не были ясными, они никогда не смогли бы разглядеть солнце..." То же самое можно сказать об обобщенном отчаянии, о сомнениях по поводу человечества как такового. "Человек по самой своей сути плох" - говорят нам. Но эта мировая скорбь не должна никого парализовывать; если кто-то говорит, что "все люди в конечном счете законченные эгоисты" и что альтруизм - это тот же эгоизм, так как кажущийся альтруистом человек хочет лишь избавиться от чувства сострадания, - то мы уже знаем, что мы можем этому противопоставить: во-первых, устранение чувства сострадания является не целью, а следствием; во-вторых, его появление уже предполагает настоящий альтруизм. То, что мы сказали о смысле отдельной жизни, относится и к человечеству в целом, а именно, что решающими являются вершинные точки - в человеческой истории так же, как и в горных массивах. Уже благодаря примерам немногих жизней или даже тому или иному конкретному человеку, которого мы по-настоящему любим, человечество как целое может быть оправдано. И когда нам говорят, что вечные великие человеческие идеалы повсюду попираются и используются как средство для достижения политических, деловых, сексуальных целей или удовлетворения личного тщеславия, мы можем возразить: все это только свидетельствует о всеобщей обязательности и непреходящей силе этих идеалов, так как то обстоятельство, что какую-нибудь вещь нужно завернуть в моральную "обертку" для того, чтобы она была действенной, доказывает лишь то, что моральность как раз действительна, а это значит, может воздействовать на людей.

Итак, задача, которую человек должен исполнить в жизни, принципиально существует всегда и никогда не является невыполнимой. Что же касается экзистенциального анализа вообще, то его задача состоит в том, чтобы помочь человеку осознать свою ответственность за выполнение каждой своей задачи; чем в большей степени он осознает характер жизни как задачи, тем более осмысленной будет представляться ему его жизнь. В то время как человек, не осознающий своей ответственности, принимает жизнь как простую данность, экзистенциальный анализ учит видеть жизнь в ее заданности. Но здесь мы хотели бы заметить следующее: есть люди, которые делают еще один шаг вперед и видят жизнь в

более далекой перспективе. Для них задача - это нечто транзитивное. Они осознают не только ту инстанцию, из которой исходит задача, но и ту инстанцию, которая ставит задачу. Они осознают задачу как поручение. Жизнь тогда получает ясную перспективу, когда становится явственным трансцендентный поручитель. Сказанным, с нашей точки зрения, была бы охарактеризована существенная черта *homo religiosus* как человека, для сознания и ответственности которого вместе с жизненным поручением дан и поручитель.

Бытие человека мы охарактеризовали как бытие ответственное. Это бытие-ответственность является каждый раз ответственностью за реализацию ценностей. Говоря об этих ценностях, мы уже сказали, что должны учитываться единственные в своем роде "ситуационные ценности" (Шелер). Шансы реализации ценностей приобретают таким образом конкретные очертания. Но они не только соотносятся с ситуацией, но и увязаны с личностью; они меняются от личности к личности так же, как и от часа к часу. Возможности, которые каждый человек имеет исключительно для себя, являются такими же специфичными, как и возможности, которые предлагает каждая историческая ситуация в ее неповторимости.

Общезначимая, обязательная для всех жизненная задача в экзистенциальном аспекте нам, собственно говоря, кажется невозможной. В такой постановке вопрос о задаче жизни, смысле жизни вообще бессмыслен. Он напоминает вопрос репортера, который берет интервью у чемпиона мира по шахматам: "А скажите, уважаемый маэстро, какой шахматный ход самый лучший?". На этот вопрос невозможно ответить в общем, он имеет смысл лишь в отношении конкретной позиции. Шахматный чемпион, если бы он вообще всерьез воспринял этот вопрос, должен был бы ответить: "Шахматист должен действовать так, чтобы в зависимости от того, что он может, и от того, что допускает противник, каждый раз пытаться сделать наиболее сильный ход". При этом следовало бы подчеркнуть две вещи: во-первых, "в зависимости от того, что он может", этим, собственно, полагается, что следует принимать в расчет и внутреннюю ситуацию, т. е. то, что называют предрасположенностью; и во-вторых, следует принимать во внимание, что игрок всегда может лишь "попытаться" сделать в каждой конкретной игровой ситуации самый удачный, т. е. лучше всего отвечающий данному расположению фигур, ход. Если бы он заранее настроился на то, чтобы сделать "абсолютно хороший ход", то он должен был бы, мучимый сомнениями и самокритикой, по меньшей мере выйти за рамки предоставленного ему времени и отказаться от игры. Точно так же обстоит дело и с человеком, который поставлен перед вопросом о смысле жизни; он также может поставить этот вопрос - если этот вопрос вообще имеет смысл - лишь в отношении конкретной ситуации и своей конкретной личности; более того, было бы ошибочным, если бы он вбил себе в голову, что должен сделать абсолютно лучшее, вместо того чтобы просто попытаться это сделать. Конечно, он должен стремиться к лучшему, иначе у него не вышло бы и хорошего; но одновременно он должен уметь и отказываться от более чем просто асимптотического достижения цели.

Подводя суммарный итог всему сказанному выше о смысле жизни, коснемся радикальной критики вопроса как такового. Вопрос о смысле жизни вообще лишен смысла, так как он поставлен неверно, если имеет в виду жизнь "вообще", а не конкретно "именно мое существование". Если мы начнем речь издалека, с осмысления мира, тогда нам придется дать вопросу о смысле жизни коперниковский поворот: жизнь сама есть то, что задает

человеку вопросы. Ему не надо спрашивать; скорее, он сам - спрашиваемый, тот, кто отвечает перед жизнью, держит перед ней ответ. Ответы же, которые дает человек, могут быть лишь конкретными ответами на конкретные "жизненные вопросы". В ответственности жизни и осуществляется ответ на них, в самом существовании человек реализует ответы на поставленные его существованием вопросы.

Вероятно, было бы уместным указать здесь, что психология развития показывает, что "извлечение смысла" свойственно более высокой ступени развития, чем "дача смысла" (Шарлотта Бюлер). Таким образом то, что мы попытались выше логически развить - кажущийся парадоксальным примат ответа над вопросом, - полностью соответствует психологическому развитию. Он основывается на самоузнавании человека как каждый раз уже спрошенного. Тот же самый инстинкт, который, как мы видели, подводит человека к его самым сокровенным жизненным задачам, руководит им и при ответе на жизненные вопросы. Этот инстинкт - совесть. Совесть имеет свой голос и разговаривает с нами - это неопровержимый феноменальный факт. Но голос совести - это каждый раз ответ. Религиозный человек, с точки зрения психологии, оказывается тем, кто вместе со сказанным воспринимает и говорящего, т. е. является более "яснослышащим", чем человек нерелигиозный: в разговоре со своей совестью - в этом интимнейшем разговоре с самим собой, какой только бывает, - его партнером является Бог.

Принцип гомеостаза и экзистенциальная динамика

В своей практике логотерапия идет на сопоставление экзистенции с духом. В своей теории она исходит из мотивации экзистенции через дух.

Предвижу возражение, что этим сопоставлением существования с духом, включением личности в мир смысла и ценностей к человеку предъявляются слишком высокие требования. Не говоря о том, что подобного сегодня следует опасаться меньше, чем когда-либо, подобные опасения неверны уже в своем зародыше, потому что они основаны на устаревшем еще со времен Бергаланффи принципе гомеостаза. В области нейрологии и психиатрии уже Курту Гольдштейну удалось доказать, что принцип "tension reduction" (снижения напряжения), на котором покоятся психоаналитические и психодинамические гипотезы, представляет собой исключительно патологический принцип; обычно для человека гораздо важнее выдерживать напряжение и стремиться к осуществлению ценностей, а не избегать их любой ценой.

Находиться в полярном поле напряжения между бытием и долженствованием, войти в мир смысла и ценностей, быть востребованным ими - вот что является существенным признаком человеческого бытия. Поскольку бегство от этих требований является признаком невротического существования, становится ясно, как энергично должна действовать психотерапия против этого типично невротического эскапизма, а не в угоду ему, пытаясь из преувеличенного страха нарушения гомеостаза удерживать больного от любого напряжения и стремясь избавить его от столкновения со смыслом и ценностями. Динамика, которая существует в полярном поле напряжения между бытием и долженствованием, в логотерапии, в противовес всей психодинамике, называется ноодинамикой. От первой она отличается в первую очередь тем, что в нее входит момент

свободы: будучи раздираемым влечениями, я в то же время притягиваюсь ценностями, т. е. я могу сказать требованию той или иной ценности "да" или "нет", иными словами, я могу решить вопрос так или иначе. Момент свободного выбора действует не только в отношении кажущегося принуждения биологическими, психологическими или социологическими условиями, но и по отношению к ценностной возможности, которую надо реализовать.

Находиться в полярном поле напряжения между бытием и долженствованием, войти в мир смысла и ценностей, быть востребованным ими - вот что является существенным признаком человеческого бытия. Поскольку бегство от этих требований является признаком невротического существования, становится ясно, как энергично должна действовать психотерапия против этого типично невротического эскапизма, а не в угоду ему, пытаясь из преувеличенного страха нарушения гомеостаза удерживать больного от любого напряжения и стремясь избавить его от столкновения со смыслом и ценностями. Динамика, которая существует в полярном поле напряжения между бытием и долженствованием, в логотерапии, в противовес всей психодинамике, называется ноодинамикой. От первой она отличается в первую очередь тем, что в нее входит момент свободы: будучи раздираемым влечениями, я в то же время притягиваюсь ценностями, т. е. я могу сказать требованию той или иной ценности "да" или "нет", иными словами, я могу решить вопрос так или иначе. Момент свободного выбора действует не только в отношении кажущегося принуждения биологическими, психологическими или социологическими условиями, но и по отношению к ценностной возможности, которую надо реализовать.

Чем более снижено напряжение, которое исходит из ноодинамики, тем более угрожаем и подвергаем опасностям человек. Основываясь на результатах исследования Карла Роджерса, Оллпорт объясняет: "Между моим Я и идеальным Я, между действительным существованием и желаемым, всегда существует здоровый разрыв. С другой стороны, слишком высокая удовлетворенность означает патологию". Нормальная корреляция между реальным образом самого себя и идеальным, утверждает он, характеризуется коэффициентом +0,58. Американские авторы на основании статистических исследований пришли к выводу о том, что смысловая ориентация человека может быть расценена как мерило душевного здоровья. В США в психологии господствуют два направления: механистическое и, как реакция на него, гуманистическое. Что касается первого, то оно держится на принципе гомеостаза, в то время как идеалом второго является самореализация (Гольдштейн, Хорни и Маслоу).

Гордон Оллпорт указывает на то, что обычное понимание мотивации как попытки сменить состояние напряжения гомеостазом не определяет сущности стремления как такового. Фрейд представил "душевный аппарат" как нечто, чье "намерение" состоит в том, чтобы "справиться со всеми подступающими к нему раздражениями и возбуждениями", а архетипы Юнга построены также на принципе гомеостаза: человек предстает в его теории как некто, чье стремление выливается в реализацию как раз архетипно сформированных возможностей; в основе этого стремления, однако, лежит единственное намерение - уйти от сильного воздействия или даже мести непрожитых архетипов и избежать вызванных ими напряжений.

Шарлотта Бюлер с полным правом утверждает: "От самых ранних фрейдовских формулировок принципа удовольствия до последней современной версии принципа вывода напряжения и гомеостаза в качестве постоянной конечной цели всей жизненной активности понималось восстановление равновесия в индивидууме". Но уже сама Шарлотта Бюлер критикует фрейдовское толкование процессов приспособления, утверждая, что "в стремлении приспособляющегося к равновесию реальность воспринимается негативно", тогда как в действительности "творящий претворяет свой продукт и труд в позитивно осознанную реальность". Принцип реальности, со своей стороны, находится на службе у принципа удовольствия, поскольку он представляет собой лишь простую "модификацию" принципа удовольствия, "которая также имеет целью удовольствие". Если мы приглядимся внимательнее, то сможем констатировать, что принцип удовольствия также представляет собой лишь простую модификацию, поскольку он служит высшему принципу, а именно принципу гомеостаза, т. е. тенденции поддерживать как можно более низкий уровень напряжения или восстанавливать его.

Так же как воля к удовольствию подчеркивалась психоанализом в форме принципа удовольствия, так и воля к власти выделялась индивидуальной психологией в форме так называемого стремления к значимости. В случае адлеровского стремления к значимости речь все же давно идет не о влекомости человека к чему-то, что, подобно агрессивности выдвинутой Фрейдом на передний план подавленной сексуальности, можно было бы не принимать в расчет, а о желании, исходящем из "центра акта" личности. В закрытой системе "душевного аппарата", над которым господствует принцип удовольствия, нет места для того, что мы назвали волей к смыслу, который организует и направляет человека в мире. Эта концепция не должна быть ложно понята в волюнтаристском смысле. То, что мы говорим о "воле к смыслу", а не о "влечении к смыслу", отнюдь не означает восхваления волюнтаризма; скорее на этом пути не должен быть выпущен из поля зрения факт прямой (в первую очередь) смысловой интенции - т. е. факт, что для человека от начала и до конца имеет значение смысл и не что другое, как смысл: если бы речь действительно шла о влечении, то человек реализовывал бы смысл лишь для того, чтобы избавиться от "жала" влечения и обрести равновесие. Однако тогда человек перестал бы действовать ради самого смысла и наша теория мотивации вышла бы опять на принцип гомеостаза.

В то время как европейская критика логотерапии исходит насмешливыми замечаниями, такими как "взывать к воле", американская психиатрия давно уже перешла к тому, чтобы столь сильно подвергнутую в наших краях злословью волю возвести в подобающий ей ранг. Ведущий экзистенциальный психолог Нью-Йорка, Ролло Мэй, утверждает, что психоанализ поощряет тенденцию пациента к пассивности и вводит в соблазн того, кто не хочет рассматривать себя как решающую силу и считает ответственным за свои трудности любого человека, но только не себя. Свои едкие замечания он продолжает следующим образом: "Экзистенциальный подход вновь ставит во главу угла решение и волю" и заканчивает их глубокомысленно словами псалма: "Тот самый камень, который строители отвергли, стал краеугольным". А Джеймс С. Крамбаух и Леонард Т. Махолик, директоры Центра Бредли, пишут в своей работе, вышедшей в "Journal of Existential Psychiatry", что результаты их экспериментов подтверждают гипотезу о существовании воли к смыслу.

Идея воли к смыслу не должна неверно толковаться как призыв к воле. Нельзя манипулировать верой, любовью, надеждой и фабриковать их. Никто не может ими командовать. Над ними не властна даже собственная воля. Я не могу хотеть ни верить, ни любить, ни надеяться, и, прежде всего, я не могу хотеть чего-нибудь хотеть. Поэтому бесполезно требовать от человека "хотеть смысла". Говорить о воле к смыслу - значит заставить сам смысл вспыхнуть и предоставить воле хотеть его.

Идея воли к смыслу не должна неверно толковаться как призыв к воле. Нельзя манипулировать верой, любовью, надеждой и фабриковать их. Никто не может ими командовать. Над ними не властна даже собственная воля. Я не могу хотеть ни верить, ни любить, ни надеяться, и, прежде всего, я не могу хотеть чего-нибудь хотеть. Поэтому бесполезно требовать от человека "хотеть смысла". Говорить о воле к смыслу - значит заставить сам смысл вспыхнуть и предоставить воле хотеть его.

Шарлотта Бюлер противопоставляет теории удовлетворения влечений теорию самореализации, делая такой вывод: "В настоящее время имеется в принципе два основных толкования главных тенденций жизни, крайне важных для психиатрии. Первое - это точка зрения психоаналитической теории, следуя которой восстановление гомеостатического равновесия является единственной основной тенденцией жизни. Второе - это учение о самореализации как конечной цели жизни". Но только в той степени, в какой человек реализует смысл, в той степени он реализует и самого себя: самореализация происходит тогда сама собой как результат реализации смысла, но не как его цель. Лишь существование, которое трансцендирует само себя, может реализоваться, в то время, как интендируя себя самое или самореализацию, оно упустило бы себя. К сущности человека относится стремление к упорядоченности, направленности на что-то, на кого-то, на идею или на личность. Шарлотта Бюлер совершенно справедливо замечает: "То, что на самом деле имели в виду последователи принципа самореализации, - это стремление к раскрытию потенциальных возможностей". Действительно, в конечном счете все сводится к реализации собственных возможностей. Но давайте спросим все же самих себя, что стоит за всеми этими учениями, которые предлагаются сегодня современному человеку. То - что он должен попытаться осуществить свои внутренние возможности или, как уже было сказано, выразить самого себя. С моей точки зрения, мотив, который скрывается за ними, направлен на то, чтобы уменьшить напряжение, которое вызывается разрывом между тем, чем является человек, и тем, чем он должен стать; напряжение, о котором мы можем также сказать, что это напряжение между реальностью, с одной стороны, и теми идеалами, которые еще должны быть осуществлены, с другой; или, выражаясь иначе, напряжение между существованием и сущностью, между бытием и смыслом. Действительно, объявление о том, что человеку не надо заботиться ни о каких идеалах и ценностях, т.к. они представляют собой не что иное, как выражение самого себя, и человеку надо поэтому спокойно ограничиться тем, чтобы реализовать самого себя и свои возможности, - такое объявление означает радостную новость; таким образом человек узнает, что ему совсем не нужно стремиться к реализации смысла или ценностей, так как все уже и так в порядке, все это уже имеется, по крайней мере в форме собственных возможностей, которые следует реализовать. Императив Пиндара о том, что человек должен стать тем, что он есть, лишается, таким образом, своего императивного характера и превращается в индикативный

тезис, который звучит так: "Кем бы человек ни должен был стать, он уже этим является ! И именно поэтому ему не нужно заботиться ни о каких идеалах, то есть, образно выражаясь, ему не надо стремиться к звездам, чтобы вернуть их на Землю, - ведь посмотри: Земля сама звезда..."

И вздох облегчения проходит по рядам обывателей, которые в своей псевдоморальности почувствовали себя неудобно! Но мы-то знаем, что напряжение между бытием и смыслом неотменимо коренится в сущности человека. Напряжение между бытием и долженствованием составляет особенность человеческого существования как такового, и поэтому оно является непереносимым условием душевного здоровья. Исследования, проведенные в США, показали, что основное понятие логотерапии - смысловая ориентированность является превосходным критерием психического здоровья.

Но и в более глубоком смысле разрыв между бытием и долженствованием, между бытием и смыслом является существенным для человеческого бытия в целом. Не могут и не должны в одном таком конечном существе, как человек, совпадать и согласовываться существование и сущность. Напротив, смысл должен всегда опережать бытие - лишь тогда смысл может быть тем, чем он должен быть: он должен идти впереди бытия! Существование же, наоборот, остается замкнутым на себе самом, поскольку оно не трансцендирует себя самое, выходя за рамки себя в направлении на что-то вне себя.

В Библии сказано, что во время странствия израильского народа по пустыне Бог в виде облака шел впереди своего народа. И я не могу найти другого толкования этой истории, чем следующее: смысл (сверхсмысл, как я его обычно называю) предшествовал бытию так, что последнее следовало за первым, а первый увлекал за собой последнего. Но давайте спросим себя, что бы произошло, если бы Божья милость не шла впереди израильского народа, а находилась бы среди народа. Совершенно очевидно, что облако было бы никак не в состоянии провести народ Израиля через пустыню и привести его к цели, а покрыло бы все туманом; никто не нашел бы правильного пути, и израильский народ заблудился бы.

Если мы признаем эту экзистенциальную динамику, то сможем очень хорошо различать два человеческих типа, которые я хотел бы обозначить терминами "лидеры" и "миротворцы". Лидеры призывают нас осознать все ценности и смысл, они взывают к нашей воле, к разуму. Миротворцы же, напротив, пытаются освободить нас от тяжести всякого столкновения со смыслом.

Лидером, как известно всем, был Моисей: он ни в коем случае не стремился успокоить совесть своего народа, напротив, он взывал к ней. Он дал своему народу десять заповедей, спустившись с горы Синай, и не старался уберечь его ни от столкновения с идеалами, ни от знания о плетущейся за ними реальности.

Для миротворца важнее всего внутреннее равновесие, которое ни в коем случае не должно быть нарушено и ради сохранения которого не только позволены все средства, но и весь мир денатурируется и низводится лишь до средства, будь это средство удовлетворения влечения или же самореализации, умоления потребностей, укрощения сверх-Я или раскрытия архетипа. Так или иначе, человек примиряется с самим собой - человек

"уравновешивается". Что неоспоримо - так это факты. А факт заключается в том, что идеалов достигает меньшинство; стало быть, почему мы должны из-за них беспокоиться, почему мы должны быть иными, чем средний человек? Зачем нам стремиться стать идеальными - давайте останемся нормальными!

Шарлотта Бюлер полагает, что функционирование здорового организма зависит от чередования тенденций разрядки напряжения и возрастания напряжения. Спросим себя, а не существует ли для этого - назовем его онтогенетического ритма также филогенетического аналога. И разве не указал Шопенгауэр на сменяющее друг друга господство то нужды, то скуки, как это проявляется на историческом и общественном уровнях? Периоды нужды и эпохи скуки сменяют друг друга, пусть и не так, как в случае со "здоровым организмом" - в постоянном чередовании, а в следовании друг за другом. Да, мы хотели бы даже позволить себе утверждение, что человек в "гомеостатические" времена (как, скажем, во времена "общества благосостояния") добровольно принимает на себя нужду в качестве противовеса. Гелен, который тоже придерживается точки зрения, что "гнет нужды антропологически имеет, вероятно, необычайное значение", в этой связи объясняет, что "если бы можно было представить себе выход, то это мог бы быть только аскетизм". Мы не можем согласиться лишь с тем его тезисом, "что почти из всех элементов христианской религии аскетизм не был секуляризирован", так как нам кажется, что спорт является тем фактором, который взял на себя миссию подвергать организм периодическому стрессу и помогать людям, живущим в обществе благосостояния, создавать ситуации искусственной и быстро преходящей нужды. Еще более сомнительным, чем расхожие мотивационные теории, является их практическое применение в психической гигиене. Оно ошибочно уже постольку, поскольку исходит из неверного принципа, состоящего в том, чтобы не допускать возникновения малейшего напряжения в человеке; одним словом, в их основе лежит преклонение перед принципом гомеостаза, чтобы не сказать - "принципом нирваны" (Фрейд). Однако человек нуждается на самом деле не в состоянии, свободном от всякого напряжения, а, напротив, в определенной здоровой дозе напряжения, какое вызывается его востребованностью и загруженностью благодаря присутствию в его жизни смысла.

Шарлотта Бюлер полагает, что функционирование здорового организма зависит от чередования тенденций разрядки напряжения и возрастания напряжения. Спросим себя, а не существует ли для этого - назовем его онтогенетического ритма также филогенетического аналога. И разве не указал Шопенгауэр на сменяющее друг друга господство то нужды, то скуки, как это проявляется на историческом и общественном уровнях? Периоды нужды и эпохи скуки сменяют друг друга, пусть и не так, как в случае со "здоровым организмом" - в постоянном чередовании, а в следовании друг за другом. Да, мы хотели бы даже позволить себе утверждение, что человек в "гомеостатические" времена (как, скажем, во времена "общества благосостояния") добровольно принимает на себя нужду в качестве противовеса. Гелен, который тоже придерживается точки зрения, что "гнет нужды антропологически имеет, вероятно, необычайное значение", в этой связи объясняет, что "если бы можно было представить себе выход, то это мог бы быть только аскетизм". Мы не можем согласиться лишь с тем его тезисом, "что почти из всех элементов христианской религии аскетизм не был секуляризирован", так как нам кажется, что спорт

является тем фактором, который взял на себя миссию подвергать организм периодическому стрессу и помогать людям, живущим в обществе благосостояния, создавать ситуации искусственной и быстро преходящей нужды. Еще более сомнительным, чем расхожие мотивационные теории, является их практическое применение в психической гигиене. Оно ошибочно уже постольку, поскольку исходит из неверного принципа, состоящего в том, чтобы не допускать возникновения малейшего напряжения в человеке; одним словом, в их основе лежит преклонение перед принципом гомеостаза, чтобы не сказать - "принципом нирваны" (Фрейд). Однако человек нуждается на самом деле не в состоянии, свободном от всякого напряжения, а, напротив, в определенной здоровой дозе напряжения, какое вызывается его востребованностью и загруженностью благодаря присутствию в его жизни смысла.

Однако общество благосостояния испытывает недостаток напряжения; получается так, что современному человеку в сравнении с прежними временами недостает нужды и напряжения, так что он в конце концов разучился выносить и то, и другое. Его способность выносить фрустрацию понизилась, он разучился отказывать себе. Но именно в этой ситуации человек начинает искусственно создавать напряжение, которое задолжало ему общество; он создает себе напряжение, которое ему необходимо. И вот человек, живущий в обществе благосостояния, начинает добровольно ограничивать себя, добровольно отказываясь от чего-либо или намеренно создавая ситуацию нужды. В обществе излишеств он начинает создавать, так сказать, "островки аскетизма", - именно в этом я вижу функцию спорта: он является современным, светским аскетизмом.

Американские профессора жалуются на то, что современные студенты отличаются глубочайшей апатией: "Почти на каждом университетском кампусе от Калифорнии до Новой Англии апатия студентов была темой обсуждений. Эта тема наиболее часто затрагивалась во время наших дискуссий с преподавателями факультетов и студентами".

Профессора США высоко держат идеал свободы; но свобода, которую они имеют в виду, негативна и нуждается в дополнении позитивной идеей, а именно идеей ответственности. Когда же наконец будет воздвигнута в дополнение к статуе Свободы на восточном побережье статуя Ответственности на западном побережье?

В США психоаналитики жалуются на то, что они начали сталкиваться с новым типом невроза, чьим отличительным признаком является недостаток инициативы и интереса.

По-видимому, человек так же плохо переносит продолжительное отсутствие трудностей в психологическом плане, как и абсолютную невесомость в физическом смысле, и, по-видимому, ему столь же трудно существовать в лишенном смысла пространстве, как и в безвоздушном.

Известно, что полная изоляция от сенсорных раздражителей, как это происходит в ходе экспериментов, являющихся частью подготовки к космическим полетам, приводит к обману чувств. Исследования, проведенные в университетах Йеля и Гарварда, показали, что причиной сенсорного голода является "не отсутствие раздражителей органов чувств само по себе, а отсутствие осмысленных раздражителей". Оказывается, элементарная потребность в смысле может быть прослежена у человека вплоть до биологических основ существования. Лейтмотив логотерапии, прокладывая мост между значениями слов "дух"

и его "смысл", - звучит как fuga: дух требует смысла, ноос - логоса, а ноогенные заболевания - логотерапевтического лечения.

Наряду с ноогенными невротами существуют не только психогенные, но и описанные мною соматогенные псевдоневрозы. Я упомяну лишь агорафобии, за которыми скрывается гипертиреоз; клаустрофобии, в которых скрыта латентная тетания и симптомы деперсонализации, а также психодинамические синдромы, за которыми скрывается недостаточность коры надпочечников. Поэтому не может идти и речи о том, что логотерапия является в своей теории спиритуалистичной, а в своей практике - моралистичной. Подобное можно было бы адресовать скорее психосоматической медицине. В самом деле, телесные заболевания не занимают в жизни того постоянного места и не оказывают того воздействия на духовную жизнь, которое ему приписывает психосоматическая медицина. Тело человека ни в коем случае не является достоверным зеркальным отражением его духа - это касается также и "одухотворенного" тела; тело же "падшего" человека если и является зеркалом, то разбитым, искажающим зеркалом духа. Конечно, любая болезнь имеет свой "смысл"; но действительный смысл болезни лежит не в "почему" болезни, а в "как" страдания, в отношении больного к своей болезни, в его точке зрения на свою болезнь, в том, как он с ней справляется. Является ли логотерапия в своей практике моралистичной? Она не является таковой уже по той простой причине, что смысл не может быть выписан по рецепту. Врач не может дать жизни пациента смысл. Смысл в конечном счете вообще не может быть дан, а должен быть найден. Логотерапия не решает вопрос о смысле или его отсутствии, о ценности или ее отсутствии, ибо не логотерапия, а змий в райском саду обещал человеку, что он сделает его "подобным Богу, способным распознавать добро и зло".

О смысле смерти

При попытке дать ответ на вопрос о смысле жизни - этого самого человеческого из всех возможных вопросов - человек должен обратиться к самому себе как к тому, с кого жизнь спрашивает, к тому, кто должен отвечать за свою жизнь. Он придет таким образом к непреложному факту: человеческое бытие - это ответственное бытие. В экзистенциальном анализе ответственность предстает как нечто, что проистекает из конкретности личности и ситуации и развивается вместе с этой конкретностью. Ответственность растет, как оказалось, вместе с уникальностью личности и неповторимостью ситуации. Единственность и неповторимость ситуации являются для смысла человеческой жизни основополагающими. В обоих этих существенных моментах существования человека заложена одновременно и конечность его существования. Следовательно, она сама должна также являть собой нечто, что дает человеческому существованию смысл, а не отнимает его. На этом мы остановимся и для начала ответим на вопрос, может ли конечность существования человека во времени, временная конечность его жизни - факт смерти, - сделать ее бессмысленной. Как часто нам говорят о том, что смерть подвергает сомнению смысл всей жизни, что все в конечном счете бессмысленно, так как смерть все равно все уничтожит. Может, смерть действительно уничтожает осмысленность жизни? Напротив. Что бы произошло, если бы наша жизнь не имела конца во времени, а была бы неограниченной? Если бы мы были бессмертны, то могли бы с полным правом отодвигать любое дело до бесконечности, нам бы никогда не удалось сделать его именно сейчас - его можно было бы с таким же успехом сделать завтра или послезавтра, через год или через 10

лет. Однако перед лицом смерти как непреодолимой границы нашего будущего мы стремимся использовать время нашей жизни и не упустить неповторимые возможности, "конечная сумма" которых представляет собой итог всей жизни.

Следовательно, конечность существования является не только существенным признаком человеческой жизни, но и основополагающим для ее смысла. Смысл человеческого существования имеет свою основу в его необратимом характере. Ответственность человека перед жизнью может быть поэтому понята лишь тогда, когда она будет понята как ответственность с точки зрения временности и неповторимости. Следовательно, если мы хотим повернуть сознание наших пациентов в сторону понимания их жизни как ответственности перед ней и сделать это с позиций экзистенциального анализа, если мы действительно хотим убедить их в необходимости именно так понимать их жизнь, тогда мы должны попытаться с помощью сравнений показать им исторический характер жизни и вместе с этим человеческую ответственность перед жизнью. Простому человеку, который сидит в кабинете врача на приеме, можно было бы посоветовать представить себе, например, что он на склоне лет листает свою собственную биографию и раскрыл ее как раз на той главе, которая рассказывает о сегодняшнем отрезке его жизни; если бы он чудесным образом имел возможность решать, что же будет в следующей главе этой биографии, тогда в его власти было бы еще успеть внести поправки в решающую главу его ненаписанной, внутренне прожитой истории жизни. Можно было бы экзистенциальную максиму облечь в следующую императивную форму: живи так, как будто ты живешь во второй раз и в первый раз сделал все так же неверно, как ты это опять собираешься сделать. Если кому-нибудь удастся вообразить это себе, тогда в тот же момент он осознает все величие ответственности, которая лежит на человеке в каждый момент его жизни: ответственности за то, что должно получиться из каждого следующего часа, за то, как он организует свой следующий день.

Или мы просим пациента представить себе свою жизнь так, словно это фильм, который как раз "снимается", но его кадры не могут быть разрезаны, т. е. ничто из того, что уже было однажды "снято", не может быть исправлено. И таким образом нам удастся наглядно показать необратимый характер человеческой жизни, историчность существования.

В начале жизнь - это только чистая субстанция, еще нечто неиспользованное; к концу же она все более теряет характер субстанции, превращаясь в функцию, и в конце состоит больше в том, что время "отделило" от его носителя, того или иного конкретного человека: его дела, переживания и страдания. Так, человеческую жизнь можно сравнить с радием, который, как известно, имеет лишь ограниченную "продолжительность жизни", т.к. его атомы распадаются и его материя постепенно превращается в энергию, излучаемую им, которая никогда больше не возвращается и никогда больше не переходит снова в материю. Так как процесс атомного распада необратим, "однонаправлен", то и в радиации, следовательно, первоначальная вещественность, субстанциальность исчезает в возрастающей мере. Подобное же можно сказать и о жизни постольку, поскольку ее первичный материальный характер все более отступает, пока в конце жизнь не становится чистой формой. Человек подобен скульптору, который обрабатывает бесформенный камень с помощью зубила и молотка так, что материал постепенно приобретает форму. Человек же обрабатывает вещество, которое составляет ему судьба; то созидая, то переживая или страдая, он пытается "высечь" из своей жизни нечто ценное, на что он

способен: ценности творчества, переживания или отношения. В приведенное выше сравнение со скульптором можно внести и момент времени; надо лишь представить, что скульптору для завершения своего произведения дано ограниченное время, но не объявлен точный срок, когда он должен будет отдать свое произведение. И он никогда не знает, когда он будет "отозван" и не произойдет ли "отзыв" в следующее мгновение. Поэтому он вынужден в любом случае использовать время, опасаясь того, что его произведение останется незаконченным. Но то, что он не успел его завершить, отнюдь не обесценивает его. "Фрагментарный характер" жизни не прерывает смысла жизни (Зиммель). Мы не можем судить о полноценности жизни, исходя из ее продолжительности. Ведь мы оцениваем биографию не по ее длине, (по количеству страниц в книге), а по ее содержанию. Героическая жизнь умершего в молодости человека безусловно имеет больше содержания и смысла, чем существование какого-либо долгоживущего обывателя. Так же как и "Неоконченная симфония" относится к прекраснейшим музыкальным произведениям.

Жизнь человека похожа на экзамен: имеет значение не столько то, завершена ли работа, а то, насколько она ценна. Любой экзаменуемый должен быть готовым к тому, что звонок объявит ему об окончании предоставленного ему времени. Каждому человеку нужно быть в любой момент готовым к тому, что однажды будет "отозван" и он.

Человек призван обязательно что-то завершить, т. е. сознательно принять в расчет конечность своей жизни. Такая установка не означает еще ничего героического; она проявляется уже в повседневном поведении нормального человека. Например, в качестве кинозрителя он скорее будет настаивать на том, чтобы фильм вообще имел конец, чем на том, чтобы он имел счастливый конец. Даже простой факт, что нормальный человек в повседневной жизни нуждается в таких вещах, как кино или театр, уже доказывает стремление к осмысленности: если бы не было необходимости в том, чтобы истолковать происшедшее, т. е. развернуть его во времени, представить исторически, то он бы мог удовольствоваться тем, чтобы ему вкратце изложили "мораль", вместо того чтобы часами сидеть в театре или кино.

Итак, совсем нет нужды в том, чтобы каким-то образом исключать смерть из жизни человека: ведь она, по сути дела, является составной частью жизни! Но совершенно невозможно преодолеть ее - как это ошибочно делает человек, когда он стремится к вечности, - путем продолжения рода. Утверждение, что смысл жизни заключается в потомстве, неверно. Во-первых, нашу жизнь нельзя продолжить в потомках: ведь и целые рода вымирали, в конце концов, и когда-то, видимо, должно будет погибнуть и все человечество, это может произойти в результате космической катастрофы. Если бы конечная жизнь была бессмысленной, то было бы совершенно безразлично, когда придет конец, в обозримом ли будущем или нет. Кто закрывает глаза на нерелевантность этого момента, тот подобен той даме, которая, услышав предсказание астронома о том, что конца света следует ожидать через биллион лет, в ужасе отшатнулась и в ответ на повторное уверение "не раньше чем через биллион лет" облегченно вздохнула и заметила: "Я-то поняла сначала: уже через биллион лет". Жизнь или имеет смысл (тогда она сохраняет его независимо от того, длинна она или коротка, имеет она продолжение или нет), или не имеет смысла (тогда она и не получит его, будет ли она длиться долго-долго или продолжаться неограниченно в потомстве). Если бы жизнь бездетной женщины лишь по этой причине была действительно бессмысленной, тогда это значило бы, что человек живет только ради

своих детей и что исключительный смысл его существования состоит в каждом следующем поколении. Этим, однако, проблема только отодвигается, поскольку каждое поколение передает ее нерешенной следующему поколению. В чем же другом должен тогда заключаться смысл жизни одного поколения, если не в воспитании следующего? Делать непрерывно что-то само по себе бессмысленное является бессмыслицей. Нечто само по себе бессмысленное не становится осмысленным только из-за того, что оно увековечивается.

Итак, совсем нет нужды в том, чтобы каким-то образом исключать смерть из жизни человека: ведь она, по сути дела, является составной частью жизни! Но совершенно невозможно преодолеть ее - как это ошибочно делает человек, когда он стремится к вечности, - путем продолжения рода. Утверждение, что смысл жизни заключается в потомстве, неверно. Во-первых, нашу жизнь нельзя продолжить в потомках: ведь и целые рода вымирали, в конце концов, и когда-то, видимо, должно будет погибнуть и все человечество, это может произойти в результате космической катастрофы. Если бы конечная жизнь была бессмысленной, то было бы совершенно безразлично, когда придет конец, в обозримом ли будущем или нет. Кто закрывает глаза на нерелевантность этого момента, тот подобен той даме, которая, услышав предсказание астронома о том, что конца света следует ожидать через биллион лет, в ужасе отшатнулась и в ответ на повторное уверение "не раньше чем через биллион лет" облегченно вздохнула и заметила: "Я-то поняла сначала: уже через биллион лет". Жизнь или имеет смысл (тогда она сохраняет его независимо от того, длинна она или коротка, имеет она продолжение или нет), или не имеет смысла (тогда она и не получит его, будет ли она длиться долго-долго или продолжаться неограниченно в потомстве). Если бы жизнь бездетной женщины лишь по этой причине была действительно бессмысленной, тогда это значило бы, что человек живет только ради своих детей и что исключительный смысл его существования состоит в каждом следующем поколении. Этим, однако, проблема только отодвигается, поскольку каждое поколение передает ее нерешенной следующему поколению. В чем же другом должен тогда заключаться смысл жизни одного поколения, если не в воспитании следующего? Делать непрерывно что-то само по себе бессмысленное является бессмыслицей. Нечто само по себе бессмысленное не становится осмысленным только из-за того, что оно увековечивается.

И пусть, догорев, гаснет факел - его свечение имело смысл; не имеет, однако, никакого смысла передавать из рук в руки в вечной эстафете факел, который не горит. "То, что должно светить, должно терпеть, что горит", говорит Вильдеганс и подразумевает, видимо, под этим "должно терпеть, что страдает"; мы же можем сказать иначе: "должно терпеть, что сгорает, т. е. догорает до конца".

Так мы подходим к парадоксу, что жизнь, единственный смысл которой состоит лишь в продолжении рода, столь же бессмысленна, как и продолжение рода. Напротив, продолжение рода тогда и только тогда имеет смысл, когда жизнь человека сама по себе представляет нечто осмысленное. Отсутствие потомства не может сделать бессмысленным существование великого человека. Более того: весь ряд предков, ведущий к нему, мог уже благодаря значительности этого одного существования, получить свой высший смысл. Из всего этого мы видим, что жизнь никогда не может быть самоцелью, что продолжение рода никогда не может быть ее собственным смыслом; более того, она получает свой смысл лишь из других небιологических взаимосвязей. Эти взаимосвязи представляют собой момент

трансцендентности. Жизнь трансцендирует себя самое не "в длину" - в смысле своего собственного продолжения, а "в высоту" - интендируя смысл.

Сообщество и масса

Коррелятом к неповторимости человеческого существования во времени является неповторимость, уникальность каждого человека по отношению к окружающим его отдельным индивидуумам. Но так же как смерть в качестве временного внешнего ограничителя не делает жизнь бессмысленной, а скорее подчеркивает ее осмысленность, так и внутренняя ограниченность человека дает его жизни смысл. Если бы все люди были совершенными, то все были бы равны друг другу, следовательно, каждый в отдельности мог бы быть заменен любым другим. Но именно из несовершенства человека следует необходимость и незаменимость каждого в отдельности; так как хотя каждый в отдельности и несовершенен, но каждый своеобразен. Каждый в отдельности не всесторонен, а односторонен, и благодаря этому единственен в своем роде.

Обратимся к биологической модели: как известно, одноклеточное живое существо "оплатило" свое развитие до многоклеточного организма бессмертием, пожертвовав всемогуществом. Однако в обмен за него клетка получила свою специфику. Высокодифференцированная клетка сетчатки глаза, например, в своей функции не заменима никаким другим видом клеток. Так, принцип рабочего деления клетки хотя и отобрал у нее ее функциональную многосторонность, но зато дал ей относительную незаменимость для организма в ее функциональной однозначности. В мозаике, например, каждая частичка, каждый отдельный камень по своей форме и цвету представляет собой нечто не только неполное, незаконченное, но и несовершенное. Лишь как часть целого и для целого он что-то значит. Если бы каждый камень содержал, как миниатюра, в отдельном целое, то был бы заменен любым другим. (Кристалл по своей форме можно считать совершенным, но именно поэтому он может быть заменен любым другим представителем той же самой формы кристалла. Один октаэдр похож на другой.)

Чем выше дифференцирован человек, тем меньше он соответствует норме как в смысле среднего человека, так и в смысле идеала. Но он приобрел свою индивидуальность ценой этой нормальности или идеальности. Значение же такой индивидуальности, смысл человеческой личности каждый раз направлен на сообщество и связан с ним. Так же как своеобразие придает ценность мозаичному камню по отношению к целому, так и смысл всего личного своеобразия человека заключается в его значимости для вышестоящего целого. Смысл личного существования, смысл отдельного человека как личности, выходит за собственные рамки, указывая на сообщество; в направленности на сообщество смысл индивидуума трансцендирует сам себя.

Таким образом, помимо социальности человека как воспринимаемого нами факта сообщество предстает в своей заданности. Из ее простой психологической, или даже биологической, фактичности - ведь человек является "социальным животным" - вырастает этический постулат. Но не только индивидуальное существование нуждается в сообществе, чтобы стать осмысленным, но и само сообщество нуждается в индивидуальном существовании, чтобы самому иметь смысл. Это существенно отличает сообщество от простой массы. Масса не терпит никакой индивидуальности, не говоря уже о том, чтобы индивидуальное существование могло найти в ней реализацию смысла. Если отношение индивидуума к сообществу можно сравнить с отношением мозаичного камешка ко всей

мозаике, то тогда отношение отдельного человека к массе можно сравнить с отношением стандартного булыжника к серой уличной булыжной мостовой: каждый булыжник, одинаково отбитый, здесь может быть заменен другим. Для большого целого он не имеет больше никакого качественного значения. И оно само больше уже не является целым, а лишь только большим. Монотонная уличная булыжная мостовая не имеет эстетической ценности мозаики, а имеет, скорее, лишь ценность полезности, так же как и масса знает лишь полезность человека, а не его ценность и достоинство.

Смысл индивидуальности реализуется лишь в сообществе. Следовательно, ценность индивидуума зависит от сообщества. Если сообщество само обладает смыслом, то оно не может обойтись без индивидуальности составляющих его индивидуумов; тогда как в массе смысл отдельного единственного в своем роде существования погибает, должен погибнуть, поскольку в массе всякое своеобразие проявилось бы как мешающий фактор. Смысл сообщества определяется индивидуальностью, а смысл индивидуальности определяется сообществом; "смысл" массы нарушается индивидуальностью индивидуумов, составляющих ее. Смысл индивидуальности погибает в массе (тогда как в сообществе он расцветает). Уникальность каждого человека и неповторимость всякой жизни основополагающи для смысла существования. Но ее следует отличать от простой числовой характеристики, которая сама по себе не имеет ценности. Тот простой факт, что каждый человек отличается от всех других дактилоскопически, отнюдь не делает каждого человека личностью. Поэтому когда речь идет об уникальности как смысловом моменте человеческого существования, то имеется в виду не эта дактилоскопическая уникальность. Следовательно, можно было бы говорить - по аналогии с "хорошей" и "дурной" бесконечностью Гегеля - о "хорошей" и "дурной" уникальности. "Хорошая" уникальность была бы тогда той, которая направлена на сообщество, для которого человек как уникальный индивидуум имеет ценностное значение.

Уникальность человеческого существования обоснована, с нашей точки зрения, онтологически. Существование личности представляет особую форму бытия. Дом, например, составлен из этажей, а этажи из комнат. Дом, таким образом, можно понять как сумму этажей, а комнату как результат деления этажа. Таким образом мы можем проводить границы внутри бытия более или менее произвольно, т. е. произвольно разграничивать и вычленять "части" из тотальности бытия. Только личностное бытие, личное существование уходит от этого произвола; личность - это нечто заключенное в самом себе, существующее для себя, не поддающееся ни делению, ни сложению.

Привилегированное место человека и рамках бытия, человеческий способ бытия как особый мы можем уточнить еще тем, что в добавление к нашему первоначальному тезису "быть - значит быть другим" добавим утверждение: бытие личности (человеческое бытие, существование) означает абсолютно другое бытие. Сущностная ценностная уникальность каждого отдельного человека означает не что иное, как то, что он является именно другим, отличным от всех остальных людей.

Бытие человека нельзя, следовательно, свести к какому-нибудь комплексному бытию высшего порядка без того, чтобы в этом вышестоящем бытии не потерялось бы достоинство человеческого бытия. Отчетливее всего мы видим это на примере массы. Постольку, поскольку масса действительна и в этом смысле "реальна", она никогда не действует сама по себе. Социологические законы действуют не поверх голов отдельных личностей, а именно

через них. Они могут быть значимыми, но они действуют лишь на уровне массово-психологической статистической вероятности, и лишь в той степени, в какой тип среднего человека можно определить психологически. Этот тип среднего человека является, однако, научной фикцией, а не реальной личностью. Он не мог бы быть ею именно потому, что он просчитываем.

В результате бегства в массу человек теряет то, что ему более всего свойственно: ответственность; однако, отдаваясь той задаче, которую ставит перед ним сообщество, в которое он входит или в котором он рождается, человек приобретает дополнительную долю ответственности. Бегство в массу это бегство от индивидуальной ответственности. Как только кто-нибудь делает вид, что он является только частью целого и что лишь это целое является подлинным, у него появляется чувство, что он избавился от груза своей ответственности. Эта тенденция к бегству от ответственности является мотивом всякого коллективизма. Подлинное сообщество - это прежде всего сообщество ответственных личностей. Простая масса - это лишь сумма обезличенных существ.

В оценке людей коллективизм характеризуется тем, что он вместо ответственных личностей видит один лишь тип и вместо личностной ответственности - привязанность человека лишь к типу. Но потеря ответственности наблюдается не только со стороны объекта оценки, но и со стороны субъекта. Ведь оценка только лишь по типу означает облегчение для оценивающего, поскольку она частично снимает с него ответственность за оценку. Если человека оценивают как тип, то не стоит вообще заниматься этим единичным случаем, и это очень удобно. Так же удобно, как, например, оценка мотора по его фабричной марке или по типу его конструкции. Если кто-нибудь имеет определенный тип машины, то он уже знает, что у него за машина. Если известна марка пишущей машинки, то известно также, чего от нее можно ожидать. Даже на собачью породу можно положиться: от пуделя следует ожидать одних склонностей и особенностей характера, а от овчарки - других. Лишь с человеком все обстоит иначе. Лишь человека невозможно ни определить, ни просчитать, исходя из его принадлежности к какому-либо типу. Этот расчет никогда не был бы окончательным, всегда оставался бы какой-то остаток. Этот остаток соответствует свободе человека уйти от обусловленности типажем. Как предмет нравственной оценки человек начинается вообще лишь тогда, когда у него появляется свобода воспротивиться привязанности к тому или иному типу, лишь тогда его бытие становится ответственным, лишь тогда человек является собственно человеком. Чем больше машина соответствует норме, тем она лучше; однако чем более соответствует норме человек, чем более он раскрывается в своем типе (расе, классе или характере) и соответствует средней норме - тем более отдален он от этической нормы.

В моральной области коллективизм в оценке или в приговоре людей ведет к тому, что делает их "коллективно ответственными". Конечно, намного удобнее оценивать целые "расы", чем оценивать каждого отдельного человека по тому, к какой из двух единственно релевантных в этическом отношении "рас" он принадлежит: к "расе" порядочных людей или к "расе" непорядочных.

Свобода и ответственность

Ответственность человека, осознание которой столь важно для экзистенциального анализа - это ответственность перед неповторимостью и уникальностью каждого человеческого существования; существования ответственного перед лицом своей

конечности. Эта конечность жизни не делает ее бессмысленной; напротив, смерть делает жизнь осмысленной. Мы сказали, что неповторимость жизни включает в себя неповторимость каждой ситуации; единственность жизни включает единственность каждой судьбы. Судьба вообще является, по аналогии со смертью, частью жизни. Человек не может выйти из рамок своей конкретной, единственной и неповторимой судьбы. Если он борется против своей судьбы, против того, за что он не несет никакой ответственности или вины, тогда он игнорирует смысл судьбы, а смысл судьбы существует - именно судьба дает жизни смысл, как и смерть. В границах своего исключительного пространства - судьбы - каждый человек незаменим. Каждый отдельный человек со своей единственной судьбой - один во всем космосе. Его судьба не повторится. Ни у кого нет тех же самых возможностей, какие есть у него, и он сам никогда больше не будет иметь их вновь. Все те возможности реализовать ценности творчества или переживания, которые ему выпадают, т. е. все, что ему преподнесет судьба и чего он, следовательно, не сможет изменить, а должен будет нести, реализуя ценности отношения, все это уникально и неповторимо.

В моральной области коллективизм в оценке или в приговоре людей ведет к тому, что делает их "коллективно ответственными". Конечно, намного удобнее оценивать целые "расы", чем оценивать каждого отдельного человека по тому, к какой из двух единственно релевантных в этическом отношении "рас" он принадлежит: к "расе" порядочных людей или к "расе" непорядочных.

Свобода и ответственность

Ответственность человека, осознание которой столь важно для экзистенциального анализа - это ответственность перед неповторимостью и уникальностью каждого человеческого существования; существования ответственного перед лицом своей конечности. Эта конечность жизни не делает ее бессмысленной; напротив, смерть делает жизнь осмысленной. Мы сказали, что неповторимость жизни включает в себя неповторимость каждой ситуации; единственность жизни включает единственность каждой судьбы. Судьба вообще является, по аналогии со смертью, частью жизни. Человек не может выйти из рамок своей конкретной, единственной и неповторимой судьбы. Если он борется против своей судьбы, против того, за что он не несет никакой ответственности или вины, тогда он игнорирует смысл судьбы, а смысл судьбы существует - именно судьба дает жизни смысл, как и смерть. В границах своего исключительного пространства - судьбы - каждый человек незаменим. Каждый отдельный человек со своей единственной судьбой - один во всем космосе. Его судьба не повторится. Ни у кого нет тех же самых возможностей, какие есть у него, и он сам никогда больше не будет иметь их вновь. Все те возможности реализовать ценности творчества или переживания, которые ему выпадают, т. е. все, что ему преподнесет судьба и чего он, следовательно, не сможет изменить, а должен будет нести, реализуя ценности отношения, все это уникально и неповторимо.

Парадоксальность отказа от судьбы становится ясной, когда кто-нибудь спрашивает, кем бы он стал, если бы его зачал не его фактический отец, а какой-нибудь другой человек. Но при этом он забывает, что в этом случае "он" был бы не он, что носителем судьбы был бы совсем другой, так что он больше не мог говорить уже о своей судьбе. Следовательно, вопрос о возможности другой судьбы сам по себе невозможен, противоречив и бессмыслен.

Судьба относится к человеку так же, как земля, к которой его приковывает сила тяжести, но без которой, однако, ходьба была бы невозможной. Мы должны принять свою

судьбу, как и землю, на которой мы стоим, - землю, служащую нам трамплином для нашей свободы. Свобода без судьбы невозможна; свобода может означать лишь свободу по отношению к своей собственной судьбе. Каждый человек свободен. Но он не свободно парит в безвоздушном пространстве, а окружен множеством взаимосвязей. Эти взаимосвязи являются, однако, точками посягательства на его свободу. Свобода предполагает связанность, не может обойтись без нее. Но эта невозможность не означает зависимости. Земля, по которой идет человек, трансцендируется каждый раз уже в ходьбе и является для него стартовой площадкой. Если бы мы захотели дать определение человеку, то следовало было бы определить его как существо, которое каждым раз освобождается от того, чем оно определяется (определяется как биологический, социологический и психологический тип); то есть существо, которое трансцендирует все эти определения, преодолевая или преобразуя их, и в то же время продолжая подчиняться им.

Эта парадоксальность характеризует диалектический характер человека, к существенным чертам которого относятся его вечная незаконченность и отказ от самого себя: его реальностью является возможность, а его бытие определяется тем, чем он может быть.

Человеческое бытие - это ответственное бытие, потому что это свободное бытие. Это бытие, которое каждый раз решает, чем ему быть: это "решающее бытие" (Ясперс). Это именно бытие, а не просто наличествование (Хайдеггер). Стол, который стоит передо мной, есть и останется таким, какой он есть, если он не будет изменен человеком; человек же, который сидит за этим столом напротив меня, каждый раз решает, кем он будет в следующую секунду, что он скажет мне или, может быть, не скажет. Многообразие различных возможностей, из которых он в своем существовании реализует всегда лишь единственную, отличает его бытие как таковое (отличительное бытие человека, названное экзистенцией, может быть также обозначено как "бытие, которым являюсь я"). От выбора среди огромного количества возможностей человеку не уйти ни на один миг своей жизни. Он может только делать вид, будто не имеет свободы выбора и принятия решений.

Существует исторический анекдот об австрийском кайзере Франце I, рассказывающий о том, что он сказал об одном просителе, который неоднократно появлялся и просил об аудиенции по поводу одного и того же дела и которому каждый раз в ней отказывали. И вот когда однажды проситель появился в очередной раз и кайзеру доложили об этом, он обратился к адъютанту со словами: "Вот увидите, этот дурак все равно своего добьется". Что нам кажется смешным в этом анекдоте? То, что кайзер делает вид, что он не свободен сам решить, удастся ли дураку в следующий раз "добиться своего".

Комизм человека, который не осознает свою свободу принятия решений, становится очевидным в некоторых забавных историях. Так, одна из них рассказывает о человеке, который объясняет своей жене, сколь аморально современное человечество, и в качестве доказательства добавляет: "Сегодня, например, я нашел сумку. Ты думаешь, мне пришлось в голову отдать ее в бюро находок?". Что смешного в этом человеке? Да то, что он говорит о собственной аморальности так, как будто за нее не отвечает. Этот человек делает вид, что он должен принимать свою собственную аморальность как данность, так же как следует принимать аморальность других людей как факт. Он делает вид, будто он несвободен и не может решать, оставит ли он сумку у себя или отнесет ее в бюро находок.

Мы уже упоминали о человеке, который представил "сущность" жизни как процесс сгорания. Свеча, которая наличествует (пользуясь экзистенциалистской терминологией), сгорает до конца, не будучи в состоянии каким-либо образом управлять этим процессом; человек же - напротив, каждый раз имеет возможность свободно решать, как распорядиться своим бытием. Его возможность решать настолько всеобъемлюща, что он может воспользоваться еще и возможностью самоуничтожения: человек может "погасить самого себя".

Свобода любого решения, так называемая свобода воли является для непредубежденного человека вещью само собой разумеющейся; он воспринимает себя свободным. Seriously сомневаться в свободе воли может лишь тот, кто находится в плену детерминистской философской теории или страдает параноидной шизофренией и воспринимает свою волю как несвободную, "навязанную". Однако в невротическом фатализме скрыта свобода воли: невротик сам себе закрывает путь к действительным возможностям, он сам преграждает себе путь к тому, чем он мог бы быть. Так он деформирует свою жизнь и уходит от действительности становления вместо того, чтобы ее совершать (так как человеческое бытие как целое может быть охарактеризовано как "действительность свершения"). Свободе воли противостоит судьба, так как судьбой мы называем именно то, что принципиально ускользает от свободы человека, то, что не находится ни во власти, ни в ответственности человека. Причем мы ни на один миг не забываем, что человеческая свобода как таковая накрепко связана с судьбой, поскольку она вообще может раскрыться лишь в ней и благодаря ей.

Свобода любого решения, так называемая свобода воли является для непредубежденного человека вещью само собой разумеющейся; он воспринимает себя свободным. Seriously сомневаться в свободе воли может лишь тот, кто находится в плену детерминистской философской теории или страдает параноидной шизофренией и воспринимает свою волю как несвободную, "навязанную". Однако в невротическом фатализме скрыта свобода воли: невротик сам себе закрывает путь к действительным возможностям, он сам преграждает себе путь к тому, чем он мог бы быть. Так он деформирует свою жизнь и уходит от действительности становления вместо того, чтобы ее совершать (так как человеческое бытие как целое может быть охарактеризовано как "действительность свершения"). Свободе воли противостоит судьба, так как судьбой мы называем именно то, что принципиально ускользает от свободы человека, то, что не находится ни во власти, ни в ответственности человека. Причем мы ни на один миг не забываем, что человеческая свобода как таковая накрепко связана с судьбой, поскольку она вообще может раскрыться лишь в ней и благодаря ей.

К судьбе относится, прежде всего, все прошлое, (в силу своей необратимости). Фактическое (сделанное, ставшее, прошедшее) и есть подлинный фатум. И тем не менее, человек свободен и по отношению к прошлому, а следовательно, и по отношению к судьбе. Хотя прошлое и делает понятным настоящее, было бы несправедливым, если бы будущее определялось исключительно прошлым, - характерное заблуждение типично невротического фатализма, который одновременно с пониманием ошибок, сделанных в прошлом, соглашается на прощение тех же самых ошибок в будущем, тогда как ошибки прошлого могли бы служить благодатным материалом для "лучшего" будущего, если бы из них извлекали уроки. Следовательно, человеку предоставляется свобода: или

фаталистически относиться к своему прошлому, или извлекать из него уроки. Но учиться никогда не бывает слишком поздно - как, впрочем, и никогда не бывает слишком рано. Кто игнорирует это, подобен тому пьянице, которому однажды сказали, что он должен бросить пить, на что он ответил, что уже слишком поздно; когда же ему возразили, что это-де никогда не поздно сделать, он ответил: "Тогда у меня тем более еще есть время!".

Благодаря необратимости прошлого, которое стало судьбой, как раз и провозглашается человеческая свобода: судьбе следует каждый раз быть стимулом для ответственного деяния. Человеку приходится в жизни каждый раз из всего множества возможностей выбирать одну-единственную и, реализуя ее, помещать в царство прошлого, укрывая, так сказать, в надежное место. Прошедшее "остается" в царстве прошлого, как бы парадоксально это ни звучало, и "остается" не вопреки, а именно благодаря тому, что оно прошло! Ведь мы уже говорили, что реальность прошлого сохраняется в двойном смысле "уничтожения" и "сохранения", и утверждали: происшедшее - это самая "надежная" форма бытия. Преходящи лишь возможности (вспомните о неповторимых ситуационных ценностях и о необратимо преходящей возможности их реализации); то, что сохранено от преходящести, - это сохраненная в прошлом реальность. Мгновение становится вечностью, если удастся превратить возможности, которые таит в себе настоящее, в те реальности, которые в прошлом надежно укрыты "навечно". В этом смысл любой реализации. В этом смысле человек реализует возможности не только тогда, когда он совершает какое-то деяние или создает произведение, но и тогда, когда речь идет лишь о переживании. В этом смысле, и в соответствии с логикой объективизма этого рода, можно утверждать, что реализованное путем переживания не может быть действительно уничтожено тем, что оно попадает в забвение, даже путем полного устранения возможности ожить в воспоминаниях, например, из-за смерти субъекта переживаний. Обычно человек видит лишь скошенное поле преходящего; но он упускает из виду полные сараи прошлого. В прошлом же, однако, нет ничего безвозвратно потерянного, скорее все сохранено без потерь. Нельзя устранить из мира ничего, что однажды произошло: ведь однажды оно было привнесено в мир!

О силе человеческого духа

Судьба человека трактуется по-разному: как его предрасположенность (то, что Тандлер назвал "соматическим фатумом человека и как его положение, т. е. совокупность всех его внешних ситуаций. Предрасположенность и положение в сумме составляют позицию человека. Человек имеет определенную установку по отношению к позиции, которая в отличие от в значительной степени определяемой судьбой позиции - свободна. Доказательством этому является то, что существует возможность переустановки, что означает изменение установки во времени и со временем. К переустановке в этом смысле относится не только все, что мы называем воспитанием, перевоспитанием и самовоспитанием, но и психотерапия в широчайшем смысле слова, и такие феномены, как, например, обращение в веру или перемена образа мыслей.

Предрасположенность представляет собой биологическую судьбу человека, положение - его социальную судьбу; к этому нужно добавить его психологическую судьбу, к которой относится его душевная установка. Ниже мы последовательно проанализируем, как влияют на человеческую свободу в качестве судьбоносного фактора биологическая, психологическая и социальная судьбы.

Биологическая судьба

Если мы обратимся к тем случаям или ситуациям, в которых человек сталкивается с биологической судьбой, то перед нами возникнет вопрос, как далеко простирается свобода человека по отношению к органическому или как глубоко в физиологическое проникает власть его свободной воли. Таким образом, мы приблизимся к психофизической проблематике, не вступая, однако, в бесконечную дискуссию о том, зависит ли - и если зависит, то насколько физическое тело человека от его душевно-духовной сферы и наоборот. Ограничимся тем, что противопоставим друг другу два красноречивых факта и прокомментируем их.

Психиатр Ланге рассказал о следующем случае: он знал однойцевых братьев-близнецов, которые в течение многих лет жили совершенно отдельно друг от друга. Почти в одно и то же время он получил от живущего в другом городе брата письмо, в котором в первый раз обнаружилась та же самая безумная идея, которая составляла содержание паранойи брата, по поводу которой он почти в то же самое время поступил на лечение к доктору Ланге. Так, общая предрасположенность обоих братьев, которые развились как однойцевые близнецы из одной и той же клетки, проявилась как судьба.

Должны ли мы подчиниться власти биологической судьбы? Можем ли мы перед лицом таких фактов, которые говорят о непреодолимой мощи органических сил, отказать им в уважении? Не определяется ли судьба носителя предрасположенностей только лишь биологическим фактором; остается ли еще там место для формирования судьбы из свободы человеческого духа? На результатах наследственно-патологического исследования близнецов зиждется фаталистическое убеждение, имеющее силу внушения, которое опасно, потому что парализует волю к сопротивлению судьбе. Ибо тот, кто считает свою судьбу решенной окончательно и бесповоротно, не в состоянии победить ее.

И второй факт: в Венской клинике нервных болезней доктор Хофф и его сотрудник погружали пациентов в гипноз, чтобы изучить влияние эмоций на сопротивляемость человека болезням. Им внушались то радостные, то грустные переживания. В ходе этих экспериментов выяснилось, что агглюцинационный титр по отношению к бациллам тифа был несравненно выше, когда сыворотку крови брали в моменты радостного возбуждения, чем во время грустного настроения. Эти исследования также проливают свет на уменьшение силы сопротивления организма ипохондрически тревожного человека инфекционным болезням. Медицинские сестры, исполненные морального долга, которые работают в эпидемических госпиталях или даже в лепрозориях, в такой степени остаются не подверженными заражению, что до сих пор об этом говорят как о "чуде" или "сказке".

На мой взгляд, не нужно постоянно противопоставлять силу человеческого духа силе природы. И та и другая свойственны человеку, в нем все взаимосвязано. Ведь человек - гражданин нескольких государств, в жизни он постоянно находится в напряжении, в биполярном силовом поле. Если бы мы захотели сопоставить действие этих сил, то это привело бы к ничейному результату. Вечная борьба свободы человека в нем с его внутренней и внешней судьбой и составляет, собственно, его жизнь. Не желая ни в малейшей степени недооценить фактор судьбы, мы, врачи-психотерапевты, видим в ней все же, в конечном счете, лишь испытание для человеческой свободы. По эвристическим соображениям нам следовало бы делать вид, как будто граница свободного "могу" по отношению к продиктованному судьбой "должен" бесконечно удалена, тогда мы, по крайней мере, сможем пойти так далеко, как это только возможно (Рудольф Аллерс).

Даже там, где физиологическое находится в теснейшей связи с психическим, в патологии мозга, физическое болезненное изменение само по себе не означает еще окончательного приговора судьбы. О мозге в этом смысле говорят, что он "пластичен": так, известно, что в случае повреждения обширных частей мозга другие части этого органа берут заместительную функцию, так что рано или поздно функция может быть восстановлена. Американскому нейрохирургу Денди удалось даже оперативно удалить всю оболочку правого полушария головного мозга (у правши) без того, чтобы результатом этого стали какие-либо серьезные длительные душевные расстройства; вопросом остается лишь то, берется ли в расчет самими подобными больными или их родственниками длительная телесная слабость после таких операций, заключающаяся в параличе всей левой половины тела. Сегодня мы еще не знаем даже, не остаются ли неиспользованными целые участки большого мозга человека. Не установлено, действительно ли используются все клетки нервных узлов головного мозга. (Тот факт, что функцию поврежденных центров берут на себя другие клетки, говорит не в пользу этого.) Новейшие исследования выявили, что филогенетическое развитие большого мозга происходит скачкообразно, поскольку количество нервных узлов возрастает не постепенно, а неожиданно - каждый раз удваивается. Кто мог бы с уверенностью утверждать, реализовали ли мы, современные люди, все шансы, которые соответствуют современному уровню строения большого мозга человека? Ведь было бы логичным полагать, что развитие функций запаздывает по отношению к максимальным возможностям того или другого органа.

Биологическая судьба является для человеческой свободы лишь материалом, который надо еще преобразовать. В этом, с позиции человека, заключается ее последний смысл. Действительно, мы постоянно видим, как человек успешно встраивает ее в свое историческое или биографическое здание жизни. Мы постоянно встречаем людей, которым образцовым образом удалось преодолеть первоначальные ограничения их свободы, обусловленные биологически; преодолеть трудности, стоявшие вначале на пути их духовного развития. Способ организации их жизни сравним с художественным или спортивным достижением. С первым постольку, поскольку неподатливой биологической материи была придана нужная форма. С последним - в том смысле, в каком спортсмены сделали выражение "выложиться до конца" одним из наиболее часто и повседневно употребляемых. Каждый раз сделать все возможное - значит достичь цели, несмотря на все трудности конкретной ситуации, т. е. внешние и внутренние препятствия.

Вся человеческая жизнь с самого начала может стоять под знаком сопротивления фатальному биологическому гандикапу, представлять собой путь от трудного "старта" к единственному большому достижению. Нам известен мужчина; у которого вследствие заболевания головного мозга, перенесенного еще в чреве матери, были частично парализованы руки и ноги; его ноги были такими хилыми, что он мог передвигаться только в коляске. До самой поздней юности он считался умственно отсталым и оставался безграмотным, пока наконец в нем не принял участие один ученый и не организовал для него занятия; в необычайно короткое время наш пациент изучил не только письмо, чтение, но и вузовские дисциплины - в тех областях, которые его особенно интересовали. Целый ряд выдающихся ученых и университетских профессоров соревновались за честь быть его личным учителем. У себя дома он несколько раз в неделю устраивал приемы, где вызывающим восхищение центром был он сам. Прекрасные женщины жаждали его благосклонности; из-за него между ними возникали сцены, скандалы, были даже попытки

самоубийств. При всем этом мужчина был даже не в состоянии нормально говорить: его артикуляция также была вовлечена в болезненный процесс; потя от напряжения, с судорожным лицом, он вынужден был энергично бороться за техническое воспроизведение каждого отдельного слова. Какое же достижение представляет собой организация жизни этого человека, какой силой убедительности обладает она в качестве образца для наших больных, имеющих в среднем значительно более легкий старт, чем этот пациент, который, если бы все пошло лишь в соответствии с его "судьбой", с таким же успехом еще и сегодня мог бы влачить жалкое существование в известном заведении, чтобы однажды там умереть.

Психологическая судьба

Теперь перейдем к обсуждению того, что мы назвали психологической судьбой человека и под чем мы понимаем то душевное, что противостоит человеческой свободе. Невротические больные склонны к слепой вере в судьбу в психологическом смысле и постоянно ссылаются на то, что направление, сила их влечений или слабость воли и характера предопределены судьбой. Невротик со свойственным ему фатализмом следует формуле: "Так есть - и таким это и останется"; и как раз в последней части этой формулы он оказывается неправ.

Я "хочу". Оно "вынуждает". Но человеческое Я никогда не бывает просто "вынуждаемо". Хождение под парусом заключается не в том, что лодку просто гонит ветром; искусство хождения под парусом начинается с того, что человек использует силу ветра в нужном ему направлении, так что он может даже направить свою лодку и против ветра.

Первоначальной слабости воли, вероятно, не существует; сила воли хотя и гипостазирована невротиком, но не является чем-то статическим, чем-то раз и навсегда данным, а является функцией: ясного осознания цели, честного решения и известной тренировки. Если человек, еще до того, как он попытается что-то сделать, будет постоянно думать о том, что попытка не удастся, она и не сможет удалиться; уже потому не сможет, что свою неправоту признают неохотно даже перед самим собой. Именно поэтому так важно во внутренней формулировке всякого намерения заранее исключить любой даже кажущийся второстепенным контраргумент; если кто-нибудь, например, говорит себе: "Я не хочу пить", то следует ожидать, что скоро появятся самые разные возражения, как например: "однако я должен" или "и все-таки я не смогу устоять" и т. д. Если же человек говорит себе просто, но неоднократно: "Нет, пить не буду - и точка", тогда он идет по верному пути. Поистине мудрый ответ дала одна больная шизофренией на вопрос о том, является ли она слабовольной: "Я слабовольна, когда хочу; а когда я не хочу, я не слабовольна". Эта психотичная пациентка могла бы, следовательно, преподать урок некоторым невротическим больным: человек склонен к тому, чтобы скрывать от самого себя свою собственную свободу воли за ее мнимой слабостью.

К тому же под влиянием положений индивидуальной психологии - неверно понимая их и неверно используя - невротические фаталисты ссылаются иногда и на то, что "сделали" из него воспитание и среда, на то, что они определили его судьбу и тому подобное. Такие люди хотят освободить себя от ответственности за слабость своего характера. Они принимают эту слабость как данность, вместо того чтобы поставить перед собой задачу самовоспитания. Одна больная, которая однажды после попытки самоубийства была доставлена в клинику нервных болезней, сказала психотерапевту, отклоняя его помощь:

"Чего вы хотите от меня? Я - типичный "единственный ребенок" по Альфреду Адлеру". Как будто речь не идет как раз о том, чтобы освободиться от дурного типического, что есть в человеке. Правильно понятая этика индивидуальной психологии должна требовать от человека такого освобождения от типических ошибок и слабостей характера, которые могли быть ему привиты в том числе и воспитанием, чтобы по нему, в конце концов, больше никогда нельзя было бы заметить, что он "единственный ребенок" или что-то в этом роде.

"Закон" индивидуальной психологии, на который ссылалась цитируемая выше пациентка (как единственный ребенок), имеет лишь теоретическое значение; практически, экзистенциально он значим лишь настолько, насколько ему "позволяют" быть значимым. Ошибки воспитания нельзя устранить прощением, они устраняются только путем самовоспитания. Невротический фатализм означает бегство от ответственности, которая давит на человека своей неумолимостью и единственностью, - бегство в типическое, в кажущуюся предназначенной судьбой принадлежность типу. Причем неважно, рассматривается ли тип, принадлежность к которому чувствует в себе человек, как тип характера, классовый или расовый тип, т. е., понимается ли он в смысле психологической, или биологической, или социологической обусловленности.

То, что духовная позиция человека обладает свободой не только по отношению к телесному, но еще и душевному (следовательно, он не должен ни в коем случае слепо склоняться перед своей психологической судьбой), становится яснее и проявляется убедительнее всего в тех случаях, когда речь идет о свободно выбранном поведении человека по отношению к болезненным душевным состояниям. Одна пациентка находилась в стационаре по поводу периодически повторяющихся эндогенных депрессией. Ввиду эндогенных компонентов ее болезни ей была предписана медикаментозная терапия, т. е. было начато лечение, имеющее соматическую основу. Однажды лечащий врач нашел ее плачущей в состоянии крайнего возбуждения. В результате короткой беседы выяснилось, что депрессия в данный момент была совсем не эндогенного, а психогенного характера, т. е. что заболевание в целом имело, таким образом, психогенные компоненты: больная плакала о том, что она так плаксива. Депрессия, таким образом, усилилась. К эндогенной депрессии добавился еще и психогенный компонент. Первоначальная депрессия имела эндогенную основу, была реакцией на эндогенное состояние. Ввиду факта реактивной депрессии была назначена дополнительная терапия, а именно психотерапия - в соответствии с наличием психогенных компонентов. Больной было предписано избегать настолько, насколько это было возможно, - размышлять о своей депрессии, так как эти размышления могли только осложнить течение ее болезни. Пациентке посоветовали воспринимать свою депрессию как пробегающее по небу облако, которое проплывает мимо солнца и закрывает его на время от наших взглядов; но так же как солнце продолжает существовать и тогда, когда мы его не видим, продолжают существовать и ценности, даже если человек, страдающий от депрессии, в данный момент не в состоянии видеть их.

После того как больная после психотерапевтического сеанса "раскрылась", обнаружилась бедность существования человека, который чувствует себя сраженным судьбой рецидивирующих депрессий. Тогда было решено к психотерапевтическому лечению добавить еще и логотерапевтическое, чтобы показать больной, как именно факт обусловленных судьбой повторяющихся депрессивных состояний можно прекрасно использовать для того, чтобы призвать людей свободных в своей духовной позиции к

восприятию душевных процессов - призвать их к единственно правильному поведению по отношению к ним: к осуществлению того, что мы называли ценностями отношения. Несмотря на депрессивные состояния, пациентка со временем научилась не только видеть перед собой жизнь, полную личных задач, но и более того: видеть свою задачу также и в том, чтобы как-то справиться с этими депрессивными состояниями, подняться над ними. После этого экзистенциального анализа - а речь шла в данном случае именно о нем - наша пациентка вернулась к полноценной жизни, несмотря на повторяющиеся фазы эндогенной депрессии. И даже в периоды этих депрессий она вела жизнь, которая была более наполнена смыслом, чем до лечения (и даже - чем та, какую она, вероятно, вела бы, если бы не заболела). Невольно приходят на память те слова Гете, о которых я уже говорил, что это лучшая максима всякой психотерапии: "Если мы принимаем людей такими, какие они есть, то мы делаем их хуже; но если мы принимаем их такими, какими они должны быть, мы делаем их тем, чем они могли бы стать".

Во многих случаях душевных заболеваний возможное свободное духовное отношение больного к ним может быть реализовано лучше всего в форме примирения с судьбой. Ведь именно тщетная длительная борьба со свойственными живым существам состояниями ведет к дополнительной депрессии; тогда как тот, кто эти состояния без сопротивления просто принимает, скорее избавляется от них.

Одна пациентка, десятилетиями страдая тяжелыми слуховыми галлюцинациями, постоянно слышала ужасные голоса, которые язвительными замечаниями сопровождали все ее действия; эту пациентку однажды спросили, почему у нее, тем не менее, всегда хорошее настроение и что она могла бы сказать по поводу этих голосов, на что она ответила: "Я думаю, что то, что я слышу эти голоса, все-таки лучше, чем если бы я вообще ничего не слышала". Сколько искусства жизни и достижений (в смысле ценностей отношения) скрывается за этим отношением простого человека к этому мучительному симптому шизофрении! Разве не содержит эта забавная и мудрая реакция нашей пациентки здоровую долю духовной свободы по отношению к своей душевной болезни? Всякому психиатру известно, каким различным - в зависимости от разных установок духа - может быть поведение психически больных людей при одном и том же психозе. Один паралитик раздражен и настроен враждебно по отношению к людям, тогда как другой - добродушен, любезен и даже очарователен. Я хорошо помню следующий случай: в одном бараке концентрационного лагеря лежали вместе несколько больных с высокой температурой. Все бредили, кроме одного, который старался избежать ночного бреда, намеренно удерживая себя ночью ото сна. А лихорадочное духовное возбуждение он использовал для того, чтобы мысленно реконструировать рукопись неопубликованной научной книги, которую у него отобрали по прибытии в лагерь, и в течение шестнадцати лихорадочных ночей он восстановил ее, делая в темноте барака на крошечных обрывках бумаги стенографические записи главных мыслей.

Социальная судьба

Мы считаем, что отдельный человек во всех отношениях включен в социальный контекст. Он определен сообществом в двояком смысле: с одной стороны, он обусловлен всем социальным организмом, а с другой стороны, одновременно целенаправлен на этот совокупный организм. Таким образом, существует как социальная обусловленность индивидуума, так и его социальная целенаправленность. Что касается социальной

обусловленности, следует подчеркнуть, что так называемые социологические законы никогда не детерминируют индивидуум полностью; следовательно, ни в коей мере не лишают его свободы воли. По отношению к социальной судьбе человек так же сохраняет поле свободных возможностей принятия решений, как и по отношению к своей биологической или психологической судьбе. Что же касается социальной направленности, то следует указать на то заблуждение, которые в области психотерапии свойственно прежде всего индивидуальной психологии: я имею в виду ту ошибочную точку зрения, согласно которой все ценностное поведение человека в конечном счете есть не что иное, как социально правильное поведение. Точка зрения, что ценностным может быть только то, что полезно обществу, не выдерживает никакой критики. Она привела бы к ценностному обеднению человеческого бытия. Можно легко доказать, что в мире ценностей существуют индивидуальные области ценностей, реализация которых может быть и даже должна быть осуществлена помимо и независимо от любого человеческого сообщества. Именно там, где речь идет о ценностях переживания, нет места пользе для сообщества. Ценностная полнота, которая открывается отдельному человеку в процессе художественных переживаний или созерцания природы, совершенно не зависит от того, получит ли когда-нибудь сообщество от этого пользу. При этом мы не упускаем из виду, что имеется еще ряд ценностей переживания, которые по своей сути остаются в области ценностей общественного переживания - происходит ли это на более широкой основе (товарищество, солидарность) или же на основе эротического партнерства, в форме сообщества двух людей.

Теперь, обсудив социальный момент человеческого бытия, который может представлять собой основу или целевую установку жизни, обратимся к теме социального как собственно к судьбе, т. е. чему-то более или менее неотвратимому, не подверженному влияниям, противодействующему воле человека, вызывающему его на борьбу. Итак, третья форма человеческой судьбы - социологическая. В следующей главе мы обсудим, проблемы, так сказать, активного взаимодействия с социальным окружением, причем социальное окружение является фактором, от которого отдельный человек при известных обстоятельствах страдает.

Для психологической оценки этого возможного страдания от обстоятельств общественной жизни последние десятилетия дали достаточно материала. После того как уже Первая мировая война обогатила психологию плена, когда наблюдения за поведением людей, находящихся в лагерях для военнопленных, побудили к анализу истории "болезни колючей проволоки", Вторая мировая война познакомила нас с последствиями "нервной войны". Жизнь большого количества людей в концентрационных лагерях внесла ощутимый вклад в науку в области психопатологии.

О психологии концентрационного лагеря

В концентрационных лагерях человеческое бытие претерпело деформацию, которая приняла такие размеры, что трудно сказать, мог ли вообще сохранять достаточную объективность суждения наблюдатель, если он сам находился в лагере. Ведь с психологической точки зрения его способность судить себя или других должна тоже быть деформированной. В то время как посторонний наблюдатель, находясь на слишком большом расстоянии от происходящего, едва ли мог прочувствовать его остроту, тот, кто находился в центре этого тяжелого бытия, уже вжился в него! Другими словами, основная

проблема состояла в том, что необходимо было иметь в виду, что тот масштаб, которым измерялась деформируемая действительность, мог быть сам деформирован.

Несмотря на эти сомнения, специалистами в области психопатологии и психотерапии был собран обширный специальный материал их собственных наблюдений и наблюдений других людей, и сумма их опыта и переживаний легла в основу теорий, в которых не столь уж многое выглядит субъективным и которые в основном отвечают истине.

В душевных переживаниях узника концлагеря можно различить три фазы: фазу поступления в лагерь, фазу собственно лагерной жизни и фазу после освобождения из лагеря. Первая фаза характеризуется так называемым шоком поступления. Эта форма реакции на непривычное, необычное окружение психологически не содержит ничего нового. Вновь поступивший узник подводит черту под своей прежней жизнью. У него отнято все его личное имущество, у него ничего не осталось, кроме, может быть, очков, которые ему разрешили оставить; ничто не связывает его больше с его прежней жизнью. Впечатления, которые хлынули на него, глубоко его трогают или чрезвычайно возмущают. Перед лицом постоянной угрозы жизни то один, то другой из них решается "бежать на проволоку" (на колючую проволоку вокруг лагеря, через которую пропущен ток высокого напряжения) или еще на какую-либо форму самоубийства. Эта фаза, обычно по прошествии уже нескольких дней или недель, сменяется второй фазой - глубочайшей апатией. Эта апатия - самозащитный механизм души. Что бы ни возбуждало, ни возмущало, ни приводило узника в глубочайшее отчаяние, что бы ему ни приходилось вокруг себя видеть, в чем бы ни приходилось самому участвовать вместе с другими - все это теперь наталкивается на своего рода броню, которой он окружил себя. Речь здесь идет о душевной приспособляемости к своеобразному окружению; то, что в нем происходит, попадает в сознание лишь отголосками, эмоциональная жизнь сведена до низшего уровня. Доходит до того, что некоторыми наблюдателями было названо возвратом к примитивности. Интересы сужаются до непосредственных, самых насущных потребностей. Все устремления сконцентрированы только на одном - пережить каждый конкретный день. Когда вечером узники, усталые, замерзшие и голодные, спотыкаясь бредут по заснеженным полям, подгоняемые капо, назад в лагерь, слышно, как тут и там со вздохом раздается: "Ну вот, еще один день прожит".

Несмотря на эти сомнения, специалистами в области психопатологии и психотерапии был собран обширный специальный материал их собственных наблюдений и наблюдений других людей, и сумма их опыта и переживаний легла в основу теорий, в которых не столь уж многое выглядит субъективным и которые в основном отвечают истине.

В душевных переживаниях узника концлагеря можно различить три фазы: фазу поступления в лагерь, фазу собственно лагерной жизни и фазу после освобождения из лагеря. Первая фаза характеризуется так называемым шоком поступления. Эта форма реакции на непривычное, необычное окружение психологически не содержит ничего нового. Вновь поступивший узник подводит черту под своей прежней жизнью. У него отнято все его личное имущество, у него ничего не осталось, кроме, может быть, очков, которые ему разрешили оставить; ничто не связывает его больше с его прежней жизнью. Впечатления, которые хлынули на него, глубоко его трогают или чрезвычайно возмущают. Перед лицом постоянной угрозы жизни то один, то другой из них решается "бежать на проволоку" (на колючую проволоку вокруг лагеря, через которую пропущен ток высокого

напряжения) или еще на какую-либо форму самоубийства. Эта фаза, обычно по прошествии уже нескольких дней или недель, сменяется второй фазой - глубочайшей апатией. Эта апатия - самозащитный механизм души. Что бы ни возбуждало, ни возмущало, ни приводило узника в глубочайшее отчаяние, что бы ему ни приходилось вокруг себя видеть, в чем бы ни приходилось самому участвовать вместе с другими - все это теперь наталкивается на своего рода броню, которой он окружил себя. Речь здесь идет о душевной приспособляемости к своеобразному окружению; то, что в нем происходит, попадает в сознание лишь отголосками, эмоциональная жизнь сведена до низшего уровня. Доходит до того, что некоторыми наблюдателями было названо возвратом к примитивности. Интересы сужаются до непосредственных, самых насущных потребностей. Все устремления сконцентрированы только на одном - пережить каждый конкретный день. Когда вечером узники, усталые, замерзшие и голодные, спотыкаясь бредут по заснеженным полям, подгоняемые капо, назад в лагерь, слышно, как тут и там со вздохом раздается: "Ну вот, еще один день прожит".

Все то, что выходит за рамки самых актуальных вопросов простого поддержания жизни, то, что находится по ту сторону ежедневного и ежечасного спасения жизни - как своей, так и другого узника! - рассматривается как роскошь. Все это обесценивается. Эта широкая тенденция обесценивания находит выражение в словах, которые чаще всего можно было услышать в лагерной жизни: "Всё - дерьмо!". В течение всей лагерной жизни почти все высокие интересы отступают на задний план (за исключением, разумеется, политических и - примечательным образом - религиозных интересов). В остальном же узник впадает в культурную зимнюю спячку.

Примитивность внутренней жизни в концентрационном лагере находит свое самое характерное выражение в мечтаниях узников. Чаще всего они мечтают о хлебе, сигаретах и хорошей теплой ванне. Беспреданно говорится о еде: если узники стоят на поверке перед уходом на работу и поблизости нет охраны, они обмениваются рецептами и рисуют в своем воображении, какими любимыми кушаньями они будут угощать друг друга, когда они однажды, освободившись, пригласят друг друга в гости. Лучшие из них мечтают о хорошей еде не ради нее самой, а о том, что наконец-то кончится недостойное человека состояние, когда он не может думать ни о чем другом, кроме еды. Лагерная жизнь, как правило, ведет к примитивности, а недоедание - к тому, что главным содержанием жизни становится инстинкт пропитания, вокруг которого кружатся все мысли и желания. Вечным голодом, по-видимому, объясняется и тот факт, что среди узников лагеря наблюдается ярко выраженное отсутствие интереса к любым темам сексуального характера.

Толкование душевных реакций на лагерную жизнь как возврата к более примитивной структуре проявления инстинктов оказалось не единственным. Е. Утиц охарактеризовал типичные изменения характера, которые, по его мнению, он наблюдал у узников лагеря как смещение от циклотимного к шизотимному типу характера. Он заметил, что у большинства узников лагеря проявлялась не только апатия, но и раздражительность. Оба аффекта абсолютно соответствовали психэстетической пропорции шизотимного темперамента по Кречмеру. Не говоря о всей сомнительности подобного изменения характера или доминантного изменения с психологической точки зрения, эта кажущаяся шизоидизация может быть объяснена намного проще: большое число узников страдало, с одной стороны, от недостатка питания, а с другой - от недостатка сна вследствие того, что из-за чрезмерной

плотности заселения барачников узников донимали насекомые. Если недостаток питания делал людей апатичными, то хроническое недосыпание делало их раздражительными. К этим двум изначальным моментам добавлялись еще два других: отсутствие тех двух ядов цивилизации, которые в нормальной жизни смягчают апатию и раздражение: кофеина и никотина. Узникам лагеря было строжайше запрещено иметь кофе и табак. Этими соображениями можно объяснить лишь физиологические основы рассматриваемого "изменения характера", однако к перечисленным проблемам добавляется еще и психический фактор. Большинство узников страдало чувством неполноценности: эти люди были некогда "кем-то", а теперь с ними обращались хуже, чем с животными. Меньшинство же, которое, как клика, держалось вместе и пользовалось доверием капо, демонстрировало прямо-таки манию величия в миниатюре. Этой группе людей, которую с характерологической точки зрения можно назвать "негативной" выборкой, была дана такая власть, которая была несоизмерима с их безответственностью. В любом столкновении между деклассированным большинством и меньшинством "возведенных в ранг", а для таких столкновений в лагере поводов было больше чем достаточно, находила выражение накопившаяся из-за упомянутых выше причин раздражительность узников.

Не говорит ли все это в пользу того, что тип характера формируется окружением? Не доказывает ли это, что человек не может уйти от судьбы, обусловленной его социальным окружением? Мы отвечаем - нет. Несет ли человек духовную ответственность за то, что происходит с ним, за то, что "делает" из него концентрационный лагерь? Мы отвечаем - да. Ведь даже в этой социально деформированной среде, несмотря на общественное ограничение своей личной свободы, у человека еще остается последняя свобода - свобода организовать и в этих условиях свое бытие. Есть достаточно примеров - часто героических, которые доказывают, что человек и в таких условиях не обязательно должен оказаться сломленным кажущимися всемогущими закономерностями душевной деформации, вызванной концентрационным лагерем. Более того, везде, где прививаются сложившиеся типические свойства характера лагерного узника, где, следовательно, человек не устоял перед формирующими характер силами своего социального окружения, он уже позволил себе упасть в духовном отношении. Он не потерял свободу отношения к конкретной ситуации, он лишь от нее отказался. Что бы ни отняли у узника в первый час пребывания в лагере, до последнего вздоха никто не может отнять у него свободу относиться к своей судьбе так или иначе. А это "так или иначе" существует всегда. Вероятно, в каждом концентрационном лагере были отдельные люди, которые смогли преодолеть и подавить свою апатию и раздражительность, которые - жертвуя собой - ходили по баракам, то подбадривая добрым словом, то отдавая последние крохи хлеба.

Вся симптоматология концентрационного лагеря, которую мы попытались представить в ее кажущемся неотвратимым развитии, обусловленном физиологическими и душевными причинами, представляется нам открытой влиянию духовного. И в рамках психопатологии концентрационного лагеря существенным является то, о чем мы будем говорить в следующей главе о невротическом симптоме в общем плане: а именно то, что он является не только следствием соматического и выражением психического, но и способом существования - и этот момент является в конечном итоге решающим. Изменения характера человека в концентрационном лагере являются следствиями изменений физиологического состояния (голод, недосыпание и т. д.) и выражением психологических данностей (чувство собственной неполноценности и т. д.). Однако самое существенное здесь - духовная

позиция, ибо в каждом случае человек сохраняет свободу и возможность решать самому в пользу или против влияния окружения. И если даже он мало пользуется этой свободой и возможностью - все равно она у него все-таки есть. Следовательно, люди, которые подпали под влияние условий и окружения концентрационного лагеря, могли и не поддаться этому влиянию. И если мы спросим себя, что же это были за причины, из-за которых эти люди настолько пали, чтобы поддаться влиянию окружения, то сможем ответить: они позволили себе пасть только потому, что потеряли свой духовный стержень, свою духовную опору. Но об этом следует поговорить более подробно. Уже Е. Утиц охарактеризовал образ жизни узников лагеря как временное существование. Эта характеристика требует, на мой взгляд, существенного дополнения: при этой форме человеческого существования речь идет не только о временности существования, но и о временности без определенной границы. До того как будущие узники вступали на территорию лагеря, они находились в душевном состоянии, которое можно сравнить лишь с тем, в каком находится человек перед тем, как вступить в потусторонний мир, из которого еще никто и никогда не возвращался (из некоторых лагерей, действительно, никто и никогда не возвратился). Со вступлением на территорию лагеря наступали конец неопределенности (относительно условий жизни там), но также и неопределенность конца. Ведь никто из узников не мог знать, как долго он будет находиться в лагере. День за днем, час за часом среди скученных масс людей плавало множество слухов, обещающих близкое освобождение, которые приводили, однако, ко все более и более глубокому или даже окончательному разочарованию. Неопределенность момента освобождения из плена порождает в лагерном узнике ощущение практически неограниченной продолжительности заключения. Со временем у узника возникает чувство отчужденности по отношению к миру за колючей проволокой; через колючую проволоку он видит людей и мир за ней такими, словно они не принадлежат к его миру, или, скорее, словно он сам не принадлежит к этому миру, словно он "отброшен" им. Мир свободных людей представляется его взору таким, каким он мог бы казаться, вероятно, покойнику с того света: нереальным, недоступным, недостижимо призрачным.

Бессрочность существования в концентрационном лагере ведет к возникновению чувства бесперспективности. Один из узников, который в составе длинной колонны брел к своему будущему лагерю, рассказал мне однажды, что у него тогда было чувство, словно он тащился за своим собственным трупом. Так остро осознавал он, что его жизнь не имеет никакого будущего, что она вся уже прошла. Жизнь таких "живых трупов" становится преимущественно ретроспективным существованием. Их мысли витают постоянно вокруг одних и тех же деталей прошлого; банальнейшие мелочи предстают тогда в сказочном свете.

Однако без какого-то фиксированного ориентира на будущее человек не может существовать. Исходя из него организуется обычно все его настоящее, устремляясь к нему, подобно тому, как железная стружка устремляется к магниту. И наоборот - внутреннее время, время переживаний, теряет всю свою структуру, когда человек теряет свое будущее. Это приводит к презентативному прозябанию - подобно тому, как это изображено Томасом Манном в его "Волшебной горе", где речь идет о неизлечимом туберкулезе, при котором также не известен окончательный момент "конца". Или же это приводит к состоянию пустоты, бессодержательности и бессмысленности существования, которые мучают некоторых безработных; как показали психологические обследования безработных горняков, у них тоже возникает структурный распад переживания времени.

Латинское слово "finis" означает как "конец", так и цель". Когда человек перестает видеть конец какого-то временного отрезка своей жизни, он не может поставить себе никакой дальнейшей цели, никакой задачи; жизнь тогда теряет в его глазах всякое содержание и всякий смысл. И наоборот, стремление к какой-либо цели в будущем составляет ту духовную опору, которая так нужна узнику лагеря, так как только эта духовная опора в состоянии уберечь человека от падения под влиянием отрицательных сил социальной среды в том смысле, о котором шла речь выше, и, следовательно, уберечь его от полного отказа от самого себя.

Один узник, например, пытался пережить самые страшные ситуации лагерной жизни таким образом, что каждый раз представлял себе, что он стоит на кафедре и делает доклад перед многочисленной аудиторией, рассказывая именно о тех вещах, которые он переживает в данный момент. С помощью этого приема ему удавалось воспринимать вещи "quadam sub specie aeternitatis" (из перспективы вечного) и - выживать в этих условиях.

Душевный упадок из-за потери духовной опоры, полное погружение в тотальную апатию было среди лагерных узников столь же известным, сколь и внушающим страх явлением, которое развивалось зачастую так быстро, что уже в течение немногих дней вело к катастрофе. Такие узники просто оставались однажды лежать на нарах в бараке, отказывались идти на проверку и на распределение на работу, не заботились больше о добывании пищи, не ходили умываться - и никакие уговоры, никакие угрозы не в состоянии были вырвать их из апатии; ничто не пугало их больше, даже никакое наказание: они тупо и равнодушно позволяли делать с собой все что угодно - им было "все равно". Это безучастное лежание - часто в собственных экскрементах - означало угрозу жизни не только в дисциплинарном, но и в прямом смысле, что отчетливо видно на примере тех случаев, когда человека охватывало ощущение безысходности. Вот один такой пример: однажды один кто-то из узников рассказал своим товарищам, что он видел удивительный сон: он слышал голос, который разговаривал с ним и спросил его, нет ли чего-то, что он хотел бы знать о будущем, ибо он мог бы предсказать его. Узник ответил: "Я хотел бы знать, когда для меня кончится Вторая мировая война". Голос ответил: "30 марта 1945 года". Когда этот узник рассказывал о своем сне, было начало марта. Тогда он еще был полон надежд и стремлений. Но 30 марта все приближалось, и становилось все менее вероятным, что голос окажется прав. В последние дни перед предсказанным днем узник сильно нервничать, и 29 марта в лихорадочном состоянии он был доставлен в лагерный изолятор. В день, столь значимый для него, 30 марта - в день, когда страдания "для него" должны были бы закончиться, - он потерял сознание. На следующий день он умер.

Душевный упадок из-за потери духовной опоры, полное погружение в тотальную апатию было среди лагерных узников столь же известным, сколь и внушающим страх явлением, которое развивалось зачастую так быстро, что уже в течение немногих дней вело к катастрофе. Такие узники просто оставались однажды лежать на нарах в бараке, отказывались идти на проверку и на распределение на работу, не заботились больше о добывании пищи, не ходили умываться - и никакие уговоры, никакие угрозы не в состоянии были вырвать их из апатии; ничто не пугало их больше, даже никакое наказание: они тупо и равнодушно позволяли делать с собой все что угодно - им было "все равно". Это безучастное лежание - часто в собственных экскрементах - означало угрозу жизни не только в дисциплинарном, но и в прямом смысле, что отчетливо видно на примере тех случаев,

когда человека охватывало ощущение безысходности. Вот один такой пример: однажды один кто-то из узников рассказал своим товарищам, что он видел удивительный сон: он слышал голос, который разговаривал с ним и спросил его, нет ли чего-то, что он хотел бы знать о будущем, ибо он мог бы предсказать его. Узник ответил: "Я хотел бы знать, когда для меня кончится Вторая мировая война". Голос ответил: "30 марта 1945 года". Когда этот узник рассказывал о своем сне, было начало марта. Тогда он еще был полон надежд и стремлений. Но 30 марта все приближалось, и становилось все менее вероятным, что голос окажется прав. В последние дни перед предсказанным днем узник сильно нервничал, и 29 марта в лихорадочном состоянии он был доставлен в лагерьный изолятор. В день, столь значимый для него, 30 марта - в день, когда страдания "для него" должны были бы закончиться, - он потерял сознание. На следующий день он умер.

Мы уже говорили, в каком широком плане иммунная система организма зависит от таких вещей, как жизненное мужество и жизненная усталость (например, по причине разочарования или обманутых надежд). Мы можем поэтому с полным правом предположить, что разочарование этого узника по поводу ложного предсказания голоса во сне привело к резкому снижению защитных сил организма.

В созвучии с нашим толкованием этого случая находится наблюдение, о котором рассказал однажды лагерьный врач: узники лагеря, где он работал, загорелись надеждой, что Рождество 1944 года все они будут встречать дома. Рождество наступило, но сообщения газет были неутешительными. Что последовало за этим? В течении недели после Рождества в этом лагере произошли массовые случаи смертей, чего раньше никогда не бывало, - даже при таких обстоятельствах, как резкие изменения погоды, или ухудшение питания, или инфекционные заболевания, которые могли объяснить такой исход.

Ясно, что всякая попытка психотерапии в концентрационном лагере была возможна только тогда, когда она совпадала с решающим моментом духовной опоры, направленным на определенную цель в будущем. На практике было совсем нетрудно взбодрить того или иного узника тем, чтобы нацелить его на будущее. В беседе с двумя узниками лагеря, отчаяние которых дошло уже до решимости пойти на самоубийство, выяснилась следующая параллель: оба были охвачены чувством, что им "нечего было больше ожидать от жизни" (и здесь было бы уместно применить то коперниковское выражение, которое мы уже обсуждали: после завершения жизни нельзя спрашивать, какой она имела смысл). Из разговора с ними я знал, что их жизнь требовала от них выполнения совершенно конкретных задач. Выяснилось, что один из узников концлагеря опубликовал несколько книг по географии, но еще не довел серию до конца; а у другого была за границей дочь, которая боготворила его. Одного ожидал его труд, а другого - человек. Следовательно, оба были в равной степени подтверждены в своей единственности и незаменимости, которые были в состоянии придать их жизни обязательный смысл, несмотря на страдания. В своей научной работе один был столь же незаменим, как и другой в любви его дочери.

Но и освобожденный узник нуждается в душевной поддержке. Неожиданное освобождение от духовного гнета таит в себе - с психологической точки зрения - большую опасность. То, что является угрозой в характерологическом отношении, есть не что иное, как душевный аналог кессоновой болезни. И тут мы подходим к третьей фазе, которую хотим лишь в общих чертах обсудить в рамках проблемы психологии лагерьного узника. Что касается его реакции на освобождение из лагеря, то коротко можно сказать следующее:

вначале ему все представляется как в прекрасном сне, он не смеет даже верить, что все это реально: ведь его уже разочаровал не один сон. Не мечтал ли он так часто о своем освобождении о том, как он вернется домой, обнимет свою жену, позовет своих друзей, сядет за стол и начнет рассказывать, рассказывать... о своих переживаниях, о том, как он тосковал по этому мгновению свидания и как часто видел во сне это мгновение, пока оно наконец не стало действительностью. Но вот раздаются три резких гудка, которые рано утром означают побудку, назойливо и грубо проникают ему в уши и вырывают его из сна, который только подразнил и обманул свободой. Но однажды все это выстраданное и желанное станет действительностью. Однако освобожденный находится пока что в плену своего рода чувства деперсонализации. Он не может по-настоящему радоваться жизни - ему это только еще предстоит, он разучился это делать. Если в первый день свободы действительность показалась ему прекрасным сном, то однажды таким же сном, но только кошмарным, покажется ему его прошлое. И он сам не сможет понять, как ему удалось выдержать этот ужас. Его охватывает сладостное чувство, что после всего того, что он пережил, ему ничего на свете не надо больше бояться - кроме своего Бога.

В концентрационном лагере многие узники вновь обрели веру в Бога и выстояли благодаря Ему.